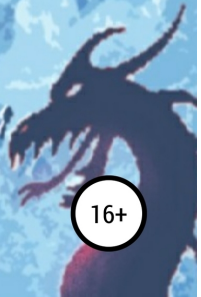
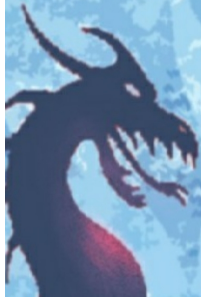

АЛЕГ ФАМИН

ХОЛОД,
КОПРЕЙ

16+

Олег Геннадьевич Фомин

Холод, согрей

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=51399205

SelfPub; 2020

Аннотация

Льдом и мечом 3. После нападения Милиты прошли месяцы. Жизнь вошла в мирное русло, остров в корне изменился, еще немного – и начнет работать школа ледяной магии. Воин-маг Эгорд, ее основатель, герой войны с демонами, а также возлюбленная Эгорда – низвергнутая богиня Леарит, ждут корабля с первыми учениками. Но в подземельях под скалами пропадает Велира, дочь Тимориса – верного друга Эгорда. Эгорд, Леарит и Тиморис спускаются в пещеры на поиски Велиры. Еще не подозревают, что маленькому, но прекрасному миру, который Эгорд собирал на острове по крупницам, скоро наступит конец...

Содержание

Часть 1	4
Глава 1	4
Глава 2	10
Глава 3	22
Глава 4	37
Глава 5	58
Часть 2	77
Глава 6	77
Глава 7	92
Глава 8	110
Глава 9	125
Конец ознакомительного фрагмента.	141

Часть 1

Глава 1

Подземное озеро светится, этим сиянием разбавлена чернота пещеры. Во тьме видны лишь краешки стен, будто глотка гигантского чудовища, но без озерного света был бы космос, холодное царство смерти.

Вода в озере как молоко, но с оттенком то ли зеленого, то ли голубого, один цвет перетекает в другой...

Под куполом сияния – берег, минеральные отложения причудливых форм, от сталагмитов до всяких колец, бутоннов, лезвий, грибниц, разукрашены так, что радуга затерялась бы дохлым червем. Соляные наросты приютили пеструю пещерную растительность. В цветастых дворцах мелькают насекомые, ящерики, поблескивают влажными панцирями рачки и улитки. Яркие, как драгоценные кристаллы, лягушки оживляют пещеру кваканьем.

На берегу сражаются человек и демон.

Доспехи человека в инее, в толстой, как книги, ледяной корке, а демон – помесь человека и скорпиона – в бурых пластинах, каждая по форме как панцирь черепахи.

От встреч меча с огромной скорпионьей клешней – искры, звон, рябит озерная гладь, будто клинок бьет не о хитин, а

о сталь.

Демон лупит хвостом, жало разбрызгивает яд-кислоту, булыжники расплетаются на вьюны дыма, смотрят уродливыми ямками.

Ни хвост, ни клешни не могут достигнуть цели, в распоряжении человека не только меч и доспехи, но и магия.

Прежде всего – ледяная.

– Тебе не победить без магии, Хафал, – сказал человек.

В него снова полетело жало, но за миг до погружения в череп вонзилось в появившуюся в воздухе ледяную глыбу, та с глухим треском разлетелась на куски, хвост отскочил.

Хафал в ярости бросился на человека, но клешни схватили пустоту, хотя только что человечиска был здесь!

Но тот уже под потолком, его держит розовое облако телекинеза, энергия клубится вокруг воина-мага пушистыми сияющими шариками, серебристый плащ волнуется.

Демон-скорпион, запрокинув голову, скалится, жвалы щелкают, в глазах зеленый огонь.

– Спускайся, трусливый червяк!

– Спустишь, – обещает Эгорд, и действительно, розовое облако неторопливо снижается, – но вряд ли это поможет.

Сапоги ледяного мага бахнули о валун высотой в рост демона напротив оно, по камню разбегаются ящерицы, аура телекинеза подняла одну в воздух, бедная рептилия вращается вокруг Эгорда как луна вокруг планеты.

– Сражаешься превосходно, Хафал, месяцы тренировок

не прошли зря, одним мечом я бы уже не справился. Но пускаю в ход магию, и твои боевые навыки становятся бесполезными.

– Р-р-р!

– Нужно изучать магию. Иного пути одолеть меня нет, даже коварный удар в спину, о котором мечтаешь, не поможет. Защитные чары всегда на страже, предупредят, отразят, если что.

– Ледяной червяк!

Хвост попытался ужалить, но ядовитый кинжал уткнулся в световой щит и отдернулся, демон резко отвернул голову.

Прищуривается.

Жало от гари черное.

Хафал медленно возвращает взгляд к Эгорду, солнечная сфера вокруг того гаснет, но по-прежнему клубится сияющий розовый пух телекинеза. Воин-маг раскрывает ладонь, в нее опускается невезучая ящерица, успела сделать вокруг Эгорда десяток-другой оборотов.

– Может и червяк, но очень ледяной. Такой ледяной, что тебе, Хафал, через этот лед не пробиться... без магии.

– Демоны не тратят время на унижительную ерунду вроде книг!

Гордость в глазах сына Зараха пылает, но даже великие пожары время гасит.

Взгляд поник.

– Темная Книга... В царстве демонов такую мелочь слуги

поднесли бы в два счета, со всех сторон, тысячу книжонок на вытянутых лапах, еще и лбы поразбивали бы в поклонах, но здесь, в этом дрянном мире, в никчемном теле... Р-р-р!

– Когда падает в руки само, – говорит Эгорд, – это не делает сильнее, только расслабляет, в самом деле можно стать червяком...

– Дай Темную Книгу!

Хафал потребовал так, словно перед ним пугливый презренный раб.

Эгорд смеется.

– Чтобы я, осветленный, хранил у себя на полке подобную мерзость...

Облако телекинеза вокруг Эгорда гаснет, воин-маг присел на колени, из чаши ладоней на бледный лишайник спрыгнула ящерка. Не шевелится, ждет наказания за побег...

Сорвалась как пружинка, исчезла со скоростью мысли в тенях мха.

С валуна Эгорд спрыгнул на землю, теперь они с демоном на одном уровне, между ними шагов пять.

– А Светлую Книгу? – предложил воин-маг.

Глаза Хафала расширяются.

Демон запрокинул голову, пещеру тревожит громовой хохот.

Сталактит треснул, упал в озеро, распустился огромный водяной зонт. Его край с плеском накрыл берег, камни заблестели.

Хафал выпустил бурю веселья, но все еще посмеивается.

– Думаешь, я, демон, стану изучать светлую магию?!

Эгорд пожал плечами.

– Темной Книги на острове нет, только учебники светлой магии. А который раз уже пытаешься меня убить? Сороковой? Пятидесятый?

– Все равное убью, человечиска, рано или поздно!

– Мой опыт растет с твоим, но не только боевой, а еще магический. Тебе не угнаться...

– Р-р-р...

– Пойдем. Дамы без нас заскучали. Слышишь?

Из черной глубины пещеры долетает эхо – где-то далеко звенит сталь, раз за разом, словно бьются на мечах. Яростный женский крик...

Эгорд улыбнулся.

– Твоя голосит.

За оскалом демон не может спрятать довольство.

– Моя.

Воин-маг пошел вглубь пещеры, Хафал, чуть помедлив, за ним.

С каждым шагом демон уменьшается, хитиновые пластины и мускулы менее выпуклые, тускнеют, клешни превращаются в пятипалые кисти. Они с Эгордом выравниваются по росту, теперь в демоне больше человеческих черт, хотя, как всегда, наполовину скорпион.

Раньше Хафал часто делал попытки убить воина-мага

подлым способом. Например, шли рядом, как сейчас, и Хафал со спины жалил хвостом. На краю обрыва пытался столкнуть. Мог исчезнуть во тьме, а потом на Эгорда падал сталактит.

Сейчас Хафал шагает мирно. Ясно, что зол, но сдерживается. Дошло-таки, что пытаться убить Эгорда – пустая трата сил.

– Почему не убьешь? – спрашивает Хафал сердито. – Мог тысячу раз, давным-давно!

– От мертвого толку нет.

– А от живого?

– Догадайся. А то вы, демоны, голову ломать не привыкли.

– Издеваешься, гад!

Эгорд усмехнулся.

– Не без этого. Надо же как-то мстить убийце друга.

– Твоего дружка убил не я, а мой отец, великий Зарах!

– Уже отнекиваешься, – поддел Эгорд с улыбкой. – А я думал, демоны убийствами гордятся.

– И гор-р-р-р-ржусь! Но твоего дружка убил мой отец, его заслуга!

В прежние времена Эгорд бросился бы на Хафала с мечом, но сейчас помогает хороший выдох.

– Твой отец мертв. Мечь ты получил по наследству.

Глава 2

Выходят к гигантской пропасти. Глубину можно видеть по наросшим на изломах растениям, те светят в темноте. Воздух полон светлячков, подвижные звезды насыщают пространство объемом.

На каменном мосту по краям – огромные колья, логова гигантских муравьев, часть заброшена, но вокруг жилых выются текущие красные цепи, рабочие величиной с крыс, а солдаты и вовсе могут загрызть собаку.

На середине моста друг против друга сражаются две девушки.

Одна как вихрь, атакует часто, крутятся как витки смерча золотые сабли с широкими клинками, сущая разбойница, ярость выходит в удары и боевые крики, от смуглой, почти как у Хафала, только без красного оттенка, кожи летят капельки пота, черные кнуты волос хлещут туда-сюда, за стальными доспехами плавно следует черное облако тканей, воинница похожа на злого призрака.

У противницы прямой двуручный меч. Волосы как река меда, кожа светлая, серебристые доспехи повторяют изящную фигуру. Двигается девушка без суеты, опыта явно больше, атакует редко, но если бьет, удар застает черную бестию врасплох, та пошатывается, едва не теряет оружие, а иногда ее вовсе отбрасывает, как котенка. От ран смуглянку спасает

то, что обладательница меча бьет плоской стороной клинка.

Приближаясь, Эгорд и Хафал следят каждый за своей подопечной. Эгорд любит плавными движениями Леарит, она спокойна как в танце...

– Огонь девка! – говорит Хафал о черноволосой Велире. – Твоя тоже ничего... Но моя лучше, вон какая напористая! Рычит как я! И сиськи больше, ха-ха!

Эгорд вздохнул.

Ну а что ждать от демона?

– Еще вопрос.

Хафал смеется.

– Давай проверю!

– Ты даже у своей не проверил.

– Р-р-р! Ничего, уже не такая упертая...

Эгорд каждый день наблюдает за Хафалом и Велирой через невидимых ледяных стрекоз, что заселили остров как пчелы – улей. Хафал пристаёт к Велире то грубой силой, то наглыми уговорами, иногда подкрадывается, пока девушка спит, но во всех случаях Велира угощает синяками, ссадинами, а то и порезами сабель, но для демона это не страшнее царапин.

– погоди, – вдруг доходит до Хафала, морда непривычно задумчивая, – откуда знаешь, что я не проверил?

Эгорд улыбнулся.

– Я же маг! С магией можно и не такое. Учись, будешь умным, начнешь удивлять таких же тупых, как ты сейчас.

– Р-р-р! А не сходить бы тебе...

В этот момент Велиру отбросил удар Леарит, смуглянка налетела спиной на демона, лапы Хафала рефлекторно сомкнулись на стройной даже в доспехах талии, его мускулы закрыли половину ее туловища. Огромный скорпионий хвост извивается как змеюка, на которую наступили.

Глаза демона широкие, не ожидал, но вот сужаются, рожа довольная, жвалы разведены широко, белоснежная клыкастая улыбка.

– Пусти! – рявкнула Велира.

Попыталась высвободиться рывком, демона аж наклонило вперед, но удержал, железная сила ручищ прижала бестию к Хафалу.

Отпускать демон не торопится.

Не в силах выбраться, Велира швырнула саблю в Леарит, стальной луч меча со звоном отбил, зачарованная сабля вернулась в ладонь хозяйки.

– Пусти, сказала! – крикнула бывшая капитанша пиратов.

– Тише, – говорит демон, – поиграла, и хватит!

Эгорд улыбнулся. Какой демон заботливый. А уж как заботливо лапает...

Золотые сабли упали, Велира с воплем перекинула через себя, грохот, закованная в хитин туша распласталась как морская звезда. Рукоятки зачарованных сабель притянулись ладонями смуглянки, те сжались в кулачки.

Велира бросилась к Леарит, но лодыжку оплел скорпио-

ний хвост, пиратка растянулась на камнях...

Дальше не интересно. Драка у них – традиция.

Сквозь тучи встревоженной пыли Эгорд идет к Леарит. Ругань, лязг и шлепки ударов позади, а перед глазами – та, на кого готов смотреть вечно.

Леарит как солнце, что просвечивает пелену. Золотые волосы по плечам, большой поток за спину, два помельче – на грудь. Тонкие серебристые доспехи облегают, словно вторая кожа, границы пластин можно разглядеть лишь вблизи.

Эгорд плавно замирает в шаге от любимой.

Здесь, в сумрачных пещерах, ее глаза переливаются как бриллианты в лунном свете. Одно из немногих свойств, что осталось с Леарит после того, как боги отняли у нее божественную силу.

– Что случилось? – спросил Эгорд.

Он знает. Просто хочет слышать ее голос.

– Коротали время поединком, – отвечает Леарит, как всегда, спокойно, с добротой. – Велира вошла в раж. Девочка слишком импульсивна.

Эгорд усмехнулся.

– Да уж.

Драка, тем временем, в разгаре.

Сабли Велиры пылятся далеко, ей удалось повалить Хафала мордой в землю, сидит у него на спине, стальной сапожок вдавливают хвост рядом с жалом к склону заброшенного муравейника, кулачки молотят по хитиновой черепушке,

удары как по колоколу.

– Вот тебе! Вот тебе! – выкрикивает с каждым бумом. – Жуй! Камни! Тупая! Башка!

– Ррра!

Хафал рывком сбросил пиратку, та отлетела, ударилась о вершину муравейника, скатывается бревном по склону, ящерицы с ее пути исчезают, муравьев с хрустом впечатывает.

Велира упала в объятия демона. Тот скрутил хвостом – виток на ногах, еще виток прижимает руки к туловищу. Талия и плечи в оковах мускулистых лап. Разбойница яростно пытается вырваться.

– Пусти, тараканище!

Кусает предплечье, но зубки попали в хитиновую пластину.

– На себя глянь, крыса лохматая! – рычит демон.

Можно подумать, битва насмерть, но Эгорд привык, эти двое постоянно так дурачатся. Их спасает равенство умений, Хафал берет силой, Велира – кошачьей ловкостью, друг другу не уступают, победить не могут, стычки всегда приводят к ничьей.

Эгорд улыбается отечески. Вдох Леарит.

Бывшая богиня и воин-маг вновь смотрят друг на друга.

– Со мной связался Халлиг, – сообщает Леарит. – Хотел с тобой, но побоялся отвлечь от битвы с демоном.

– И что сказал?

– С Халлигом связался верховный жрец Далорен. Свет-

лый Орден набрал учеников для твоей школы.

Эгорд осознает...

Наконец-то!

– Двадцать человек, – добавила Леарит. – Хотя там не только люди...

– Прекрасно, – прошептал Эгорд.

Сам не понял, о ком – о двадцати учениках или женщине с бриллиантами в глазах.

– В ближайшие дни орденский корабль отчалит, – сказала Леарит.

– Значит, – подводит итог Эгорд, – в запасе чуть больше двух недель, чтобы подготовить остров к прибытию гостей.

– Все готово.

– Всегда есть мелкие недочеты.

– А как быть с ними?

Леарит вновь смотрит на Хафала и Велиру.

Те валяются на спинах, друг от друга на расстоянии вытянутой руки. Ноздри демона выпускают струи пара, пиратка дышит с тяжким стоном. Песок вокруг влажный от пота, Хафал и Велира блестят как после купания.

Оба начали вздрагивать, страдальческое дыхание переходит в смех без звука, и вот уже расцветает дружный хохот.

Эгорд и Леарит вливаться в хор не стали, поддерживают улыбками. Воин-маг смотрит как на детей.

– Проблем не будет, – говорит он. – Слежу за ними всегда.

– Их соседство для учеников будет опасным.

– Эти двое почти не покидают скал.

– Но не раз пробирались в крепость, убить нас.

– Если бы не был уверен, что у них ничего не выйдет, не впустил бы. Поверь, каждый их шаг под контролем.

– Верю.

– Не бойся, солнце, к ученикам не пущу. Для того, собственно, и приходим сюда почти каждый день. Чтобы Хафал и Велира могли проверить силы без похода на крепость. Всякий раз им приходится убеждаться, что если даже тут, на их территории, победа не светит, то соваться на нашу смысла нет и подавно.

Демон и разбойница поднялись, Велира бредет к утонувшим в пыли саблям. У каменного пня, где когда-то был сталагмит, тусклый проблеск.

Пиратка протянула руку, сабля из-под слоя сухой грязи вырвалась, в воздухе шлейф пыли, рукоять шлепнулась в ладонь.

Вторая сабля подплывает к девушке в объятиях скорпионьего хвоста.

Брови смуглянки выгнулись, на лице подозрение, но саблю Велира осторожно принимает. То, что она ждет подвох, демона, похоже, забавит.

Он хмыкнул.

– О чем думаешь?

Велира глядит искоса.

– Да так... раздобрился чего-то, сабельку подаешь.

– Я демон, что хочу, то и делаю, ха-ха!

– Странные у тебя сегодня... хотения. Обычно лезешь задницу щипнуть, сиськи лапать, а тут что-то совсем... извратился.

– Демоны все извращенцы!

– Во-во, скоро опошлишься ниже некуда, будешь руку на ступеньках подавать, дорогу уступать, как этот самый, как его... рыцарь!

Хафал открыл было пасть для дерзкого ответа, но вспыхнувшие зеленою глазищи тут же сузились. Угораздило-таки задуматься, чешет в затылке, хвост замер в причудливом изгибе, похож на вопросительный знак.

– Эй, Велира!

Воин-маг кинул ей маленький блестящий предмет.

Пальцы Велиры, не выпуская саблю, поймали, раскрылись, девушка видит кольцо из бриллианта и золота, в нем все наоборот – из бриллианта оправка, а вместо камня овальный золотой слиточек.

– Око Асимиры, – поясняет Эгорд. – С помощью него можете связаться со мной, если что.

Демон фыркнул так, что щеки колыхнулись, брызнула слюна.

– Очень надо!

– Тебе, может, и не надо, а у твоей подруги благоразумия больше.

– Понадобишься – достану из-под земли, без всяких ко-

лец!

– Так то из-под земли... А я живу над землей. Да еще на горе, да еще в крепости.

Велира улыбается.

– Красивое!

Хафал зыркнул в ее сторону.

Велира кольцо надевает, суровое выражение на лице растаяло, девушка любит.

– Спасибо.

– А ну отдай!

Хафал бросил к кольцу хвост, но пиратка отбила плоской частью сабли.

– Брысь! Не тебе подарили!

Демон надулся как весенний кот перед соперником.

– Р-р-р! Ледяной червяк!

Эгорд повернулся к Леарит.

– Возвращаемся?

– Да.

Легким движением Леарит подбросила двуручный меч высоко, клинок перевернулся, вспыхнул, полоса стали раскололась на много гибких волокон, крестовина в виде крыльев оживила – в самом деле крылья. Машут, удерживают в воздухе рукоять. Та превратилась изящное птичье тельце и голову, а распавшийся на пышные нити клинок уподобился хвосту.

На наплечник Леарит приземлилась сияющая стальная

птица, что-то среднее между голубем и павлином.

Леарит гладит волшебное создание.

– Умница, Жея, умница...

Птица довольно воркует.

Эгорд обошел Леарит, его руки обняли сзади за талию.

– Жея красавица, вся в хозяйку, – шепнул на ухо.

Леарит вздохнула.

– Только хозяйка уже бескрылая.

– Зато от меня теперь хоть какая-то польза для безупречной богини.

Из спины Эгорда начала расти пара ледяных клиньев, отростки трещат, удлиняются, лед толщиной с бумагу скоро становится как обшивка боевого судна, эти пласты окутывает морозный туман, снежинки инея вытягиваются в пушистые ледяные перья.

Воин-маг плавно машет ледяными крыльями, те трещат, от сети разломов их небесная голубизна мутнеет до молока, но трещины зарастают быстрее, чем ветвятся, вокруг крыльев танцуют розовые облачка телекинеза.

С закрытыми глазами Леарит водит кончиком носа по щеке Эгорда.

– Я давно не богиня.

– Не для меня.

Стальная птица с плеча Леарит предусмотрительно слетела, с каждым взмахом ее крылья тоже растут, от них летят стайки круглых искр.

Велира глядит на Эгорда и Леарит с восхищением. Хафал грубо дергает за руку, мол, хватит пялиться на этого ледяного урода.

Крылья ударились о каменную твердь, Эгорда и Леарит бросило вверх, спустя пару мощных взмахов мост вниз – уже тонкая полоска, а демон и разбойница как песчинки.

Сверху вниз проносятся ломаные тени древнего гранита, мягкий свет растений делает их черноту глубже, по парящим вокруг светлячкам видно, как воздух расступается с пути окрыленного воина-мага.

Эгорд влетел в лабиринт пещер и разломов, те сменяют друг друга словно беспечные мысли.

Стальная птица Жея мчится рядом, сложив крылья и хвост, будто комета, от нее исходит энергия, что-то среднее между огнем и солнечным светом, птица то отстает, то вырывается вперед.

Леарит сделала Жею из обычного двуручного меча. Хоть боги и отняли силу, но остались знания светлой магии, может потягаться даже с верховными жрецами. Леарит зачаровала меч, стал легким, прочным, разрубит что угодно, а чтобы не носить эту громадину на себе, Леарит наделила свойством превращаться в птицу, та всегда летает за хозяйкой, радуется глаз, а в минуту опасности готова кинуться на врага или нырнуть в руки мечом.

Вылетели в широкий пролом, темные ребра стен уносятся ввысь.

Далеко вверху щель сияет белым. Она растёт, воздух все светлее, Эгорд прищурился...

Распахнулось небо, резкий переход от тьмы к свету, Леарит прижалась к Эгорду крепче, а он сам разогнался как луч, ледяные крылья словно живут отдельной могучей жизнью, мчат и мчат вверх!

Эгорд высоко в небе, призрачный лазурный океан пугает и восхищает, куда ни кинь взор, тот пропадает в бесконечности, лишь редкие облачка дают иллюзию пространства.

Внизу океан настоящий, темно-синий, на его фоне гуляют белые серпы и крестики, серпы – это пенные гребни волн, а крестики – летящие чайки.

А еще внизу остров.

Сплошь белый от снега и льда.

Глава 3

В первые недели такая картина была непривычной. Эгорд и лед, можно сказать, родня, и все же воин-маг успел привыкнуть к оттенкам блеклой травы, светло-коричневых скал, серых камней, хвои. Но сейчас кажется, что таким – белоснежным – остров был всегда.

Эгорд пикирует, остров начал стремительно расти, огненная птица Жея несется рядом словно гигантская капля меда, режущие потоки воздуха завывают...

Воин-маг приземлился рядом с мельницей.

Леарит в его объятиях развернулась к нему, Эгорд ощущает лицом теплое дыхание, его пальцы скользят по золотым колосьям волос, разглядывает едва зримые родинки, смотрит, как взмахивают крылышки ресниц, сверкают в глазах бриллианты...

Губы припали к губам.

Эгорд ослеп, тело наливается горячей сладостью, крылья за спиной тают, растекаются по снегу парящими ручьями.

Маленькую вечность нарушила Жея – села на плечо хозяйки, Эгорд не сдержал улыбку, Леарит смеется, птица возбужденно голосит, не отошла еще от головокружительного полета, стальные крылья хлопают, выбрасывают искры.

Девушка озирает снежные просторы.

– Как же у нас красиво!

– Рад, что не привыкла.

– К прекрасному есть счастье не привыкать. Всегда можно любоваться как в первый раз!

Над ними возвышается оледеневшая мельница. Пушистые от инея паруса вздуты ветром, крутятся неторопливо, мелодичный звон ледяных осколков, те сыплются радужным градом на крыльцо. Чтобы видеть корону ледяных колеев на крыше, приходится задирать голову.

Эгорд и Леарит входят внутрь.

Полость мельницы тоже устлана льдом, все сверкает от тенками голубого и белого.

В центре живет потоком размеренных движений мельничный механизм, колонна жерновов, шестерен, рычагов и других деталей упирается в далекий потолок, урчание механизма сопровождается перезвоном и шипением.

Вокруг колонны извиваются светло-синие ленты энергии. Их танцы завораживают.

Перед Эгордом из воздуха возник женский призрак.

– Здравствуй, Эгорд! Здравствуй, Леарит!

– Здравствуй, Камалия, – ответил воин-маг.

– День ото дня ты все реальнее, дорогая, – заметила Леарит. – Скоро станешь совсем настоящей.

Камалия парит над полом, прозрачная фигурка покачивается вверх-вниз, ножки подогнуты, в руке прозрачный посох, такой же белый, как туника, штаны и высокие сапоги, что очерчивают формы, на груди знак солнца, за спиной ко-

роткий белый плащик.

– Давно чувствую себя настоящей!

Половина ее лица улыбается. Другая половина скрыта за светло-синими волосами, те достают до плеч.

Камалия тряхнула волосами, лицо открылось полностью, тремя оборотами вокруг своей оси призрак взлетел и опустился, похож на фею.

– Словами не передать!

Эгорд смеется.

– И так видно.

Вокруг колонны механизмов вдоль стены пролегает ледяная винтовая лестница, Эгорд ведет Леарит за руку по ступеням.

Камалия взмыла до самого верха, гости оказались там позже.

Перед ними – площадка под крышей, ледяная лаборатория и уголок покоя для ее владельца.

Клесса, демон с кровью авиана, бывший генерал Зараха, восседает в ледяном кресле у дальней стены. Но покрытые черной чешуей щупальца, вопреки обыкновению, не лежат в нишах, а плетут кокон чар вокруг плавающего в воздухе кристалла.

Минерал сияет изнутри белым с оттенком льда.

Мешки, где в минувшие времена хранили муку, надули бока по всей лаборатории, каждый забит доверху такими минералами.

– Приветствую, ледяной брат, – произнес Клесса, не отрывая огненный взор от кристалла, клюв выпустил облако мороза.

– Ты, как всегда, в деле, – отозвался Эгорд.

– Труд монотонный, как раз для меня... Отвлекает от эмоций, приводит мысли в порядок... С этим я закончил, милая.

– Да, дорогой! – отозвалась Камалия.

Ее призрак подплыл к кристаллу, щупальца плавно отстранились, камень перешел во власть призрачного посоха. Набалдашник нацелен на кристалл, тот погружается в мерцающий розовый туман.

С помощью магии телекинеза Камалия ведет зачарованный минерал к колонне жерновов.

Камень неспешно залетел в ледяную горловину, исчез в полумраке, жернова начали крутиться шумно, синие ленты энергии жирнеют, множатся, воронка силы шипит как водопад, механизм похож на взбодренного после кормежки зверя.

Камалия указала посохом на один из мешков, оттуда выплыл похожий кристалл, щупальца Клессы возобновили танец, теперь уже вокруг этого.

Чуть меньше месяца назад Эгорду, Клессе, Камалии и Халлигу совместными усилиями удалось разобраться в природе минералов, которые Халлиг нашел в пещере вместе с Наядой...

Мысль о Наяде кольнула, по душе растекается яд, но

Эгорд заставляет себя не думать. Рана всегда оставляет шрам, нет смысла шрам царапать – не исчезнет.

Так вот, удалось подобрать заклинания, что обошли защиту таинственных кристаллов. Камни оказались сосудами с мощнейшей энергией.

И пришла идея накрыть остров куполом ледяной магии. Это позволяет творить ледяные заклинания с меньшей тратой сил, а ученикам покажет, на что способна магия льда, как многообразны ее возможности.

Ледяные големы перенесли в мешках минералы из пещеры на мельницу. Клесса накладывает на кристалл чары, те делают его хрупким, а накачаные магией жернова перемалывают, кристаллическая «мука» течет по подземному каналу к башне в крепости, где Эгорд создал настоящий улей, в нем роятся тысячи ледяных заклинаний.

Проходя через них, как вода через жилы фонтана, энергия расплескивается по всему острову. Процесс невидим, но последствия видны очень даже, взять хотя бы вездесущие слои снега и льда.

Одного кристалла хватает поддерживать магическую ауру около полусуток.

– Остров нуждается в пище, – изрек демон-полукровка.

– Рад, что держишь эту заботу на себе, – говорит Эгорд, подходя ближе и рассматривая молнии, что пляшут внутри минерала. – А я снова займусь улучшением чар в башне. Все еще поедают много энергии. Меньше, чем в начале, но аппе-

титы надо уменьшать, запасы кристаллов ограничены.

Клесса кивнул.

– На «потом» лучше не откладывать... «Потом» бывает разное...

– Твоя правда. И скоро придут ученики.

– Знаю. Камалия сообщила.

Камалия подлетела к ледяному трону, призрачная фигура сбоку от Клессы, почти вплотную, ладонь гладит перья на голове грозного существа.

– Что думаешь, – спрашивает Эгорд, – о грядущих переменнах?

– От перемен не спрячешься, – отвечает Клесса. – Лучше сделать так, чтобы оказались к лучшему.

– Сделаем, – сказала Леарит. – Правда, Жея?

Леарит почесывает сидящую на плече птицу под горлом, Жея издает птичье подобие кошачьего мурлыканья, перья вздуваются, горят ярче, от них рассыпаются круглые золотые искры.

К крепости Эгорд и Леарит возвращаются пешком. Под куполом ледяной магии творятся причудливые вещи, к этому волшебству привыкнуть нельзя.

– Вон, гляди!

– Нет, смотри лучше туда!

– А вон еще!..

Такие возгласы вспыхивают каждые десять шагов, то он, то она тычут пальцами в замеченное чудо, подпрыгивают,

трясут друг друга за плечи, побуждая устремить взор.

Мимо пробегает олень из прозрачного льда, в ледяных мышцах клубятся похожие на облака сети трещин, копыта вспахивают сугробы, в ветвях рогов красиво преломляется свет.

У ледяного куста олень встал, голова повернулась к Эгорду и Леарит.

Миг – и зверь рассыпался на глыбы, те превращаются в ледяных зайцев, ушастые фигурки разбегаются.

Один из зайцев налетел на сапог Эгорда, разбился, кусочки льда вспархивают ледяными бабочками, стайка прозрачных летуний машет крылышками вокруг людей.

Бабочка уселась на губы Леарит. Их тепло разорвало плоский живой кристалл на снежинки.

Леарит смеется.

Эгорд вздохнул.

– Даже бабочки лезут к тебе целоваться.

Леарит пробует взять себя в руки, но смешки все равно рождаются.

– Не говори, что ревнуешь!

– Не говорю.

– Но ревнуешь?

– Если тебе нравится, готов ревновать даже к бабочкам.

– И будешь мучиться? Не хочу. Или давай ревновать вместе. Точно, буду ревновать к зайцу!

– К зайцу?

– Ну да. Бросился на тебя так страстно, аж вдребезги. Может он того... зайчиха! А тут такой красавец, как не броситься. Я бы бросилась.

Леарит лукаво улыбается.

Оба прыснули, от раскатов смеха по склону горы проносится миниатюрная лавина, ледяная живность с ее пути убегает, кто-то зарывается в снег, а те, у кого крылья, взлетают.

Эгорд заключил девушку в объятия. Дышит ей в лицо, между ними колышется пар.

– Ты стала такой живой. К этому привыкнуть трудно, как к ледяной жизни на нашем острове.

– Сама к себе не привыкну.

Над ними в погоне за крылатыми ледяными букашками пролетела Жея, с хвоста на плечи осыпались искры золота.

Над островом кружится снег, даже там, где нет облаков, снежинки возникают прямо в воздухе, ведут себя как живые, их витиеватые метания напоминают полет восторженных любопытных насекомых. Некоторые разбухают до размеров яблока, из них рождаются ледяные птицы, жуки, стрекозы и прочая крылатая сущность.

Порой снег ведет себя совсем чудно – отрывается от сугробов и плавным танцем улетает в небо, словно время повернулось вспять.

Крепость близко, из-за ворот разносятся глухие звуки, так раскалывается и разбивается лед, их сопровождают возгласы, иногда ругательные.

Во дворе Тиморис сражается с элементами льда. В кулаке сабля, на теле доспехи, ледяные здоровяки окружили, нападают то по одному, то по двое.

Отбившись от атаки, Тиморис повернулся к внешним воротам, рукоять сабли поправила шлем, челюсти сверкают белой эмалью.

– О, привет, Эгорд! Леарит, ты, как всегда, просто восхи...

Шлем вернулся в прежнее положение ударом ледяного кулака.

Голем сшиб Тимориса, тот кубарем откатился, сбил с ног другого элемента, но тут же вскочил.

– Ах ты, пень!..

Клинок снес обидчику голову, та, увенчанная короной шипов, упала на ковер вбитых в землю булыжников, глухой звон, брызги осколков, сапог воина таранным бревном разбил ледяную грудь на глыбы.

Оставшиеся от элемента ноги нелепо топчутся на месте.

Неумолимая сила притяжения свалила на камни.

Тиморис выпрямил спину, клюв сабли тычет в останки противника.

– Вот так! А то распустились тут, понимаешь...

Големы присмирели, неспешно выстраиваются по периметру двора. От них исходит белесая дымка, похожая на пар, – ледяная пыль. Ее выбрасывают белые трещинки движений, больше всего на груди, она расширяется и сужается

– имитация дыхания.

Эгорд кивает уважительно.

– Саблей махать умеешь, не отнять... А магией слабо?

Подбородок Тимориса вздернулся, сабля нарочито громко щелкнула о ножны, мол, справлюсь без этой железки.

– Да проще, чем доярке под юбку! Гляди...

Тиморис принял грозную позу, ладони сближаются, пальцы становятся похожими на когти.

В этой клетке вспыхнула крошечная огненная горошина.

Воин крутит ладони вокруг нее. Лицо – будто в руках планета, и он волен сделать с ней что угодно. Зерно огня растет, гудит, языки пламени все более хлесткие...

Наконец, руки распрямились в сторону элементала, огненный шар бросился к нему.

Но скорость снаряда резко падает, шар сдувается с жалобным свистом.

Шмякнулся у ног элементала оранжевым комочком, словно плевок дракончика, снег с шипением тает, взвиваются змейки пара.

Леарит хихикнула.

– Впечатляет, – говорит Эгорд. – По крайней мере, сосульку разбить такой штукой можно.

Тиморис машет руками.

– Не-не, шас будет как надо, мощности добавлю!

Начал колдовать над вторым файерболом.

– Дружище, может не стоит? – сказал Эгорд с тревогой.

Новое ядро огня уже разрослось до размеров предшественника... и продолжает расти.

Тиморис вычерчивает витиеватые пассы, брови сдвинуты, челюсть вперед, суровости не занимать.

А шар все растет, бешено вращается, пламя завывает так, что ушам больно, от угрожающего сияния заклинатель с головы до ног оранжевый, по лицу бегут звездочки пота.

Улыбка Леарит тает как снег около Тимориса.

Эгорд ее загородил.

– Тиморис, прекрати!

– Спокойно, все под контролем! – заверил новоиспеченный маг.

Таким голосом, будто сказал: «Рад бы прекратить, да не знаю, как!».

Толкнул огненный арбуз к голему.

Эгорд успел спрятать Леарит в объятиях, двор трянуло взрывом. Воин-маг заранее покрылся коркой льда, она срослась с землей, потому взрывная волна даже не качнула, лишь корка растрескалась, дали залп ледяные осколки. Леарит не пострадала.

Двор полон туч густого дыма.

Эгорд ведет Леарит за собой. Ищут Тимориса.

Призванный Эгордом магический ветер разгоняет дым. Понизу стелется темно-серый туман, в нем очерчены контуры человеческих фигур – сломанные элементалы. Кому-то оторвало голову, некоторых разбило на куски, есть и такие,

кто растрескался на мелкую мозаику – силуэт сохранился, но связей между кусочками нет, просто груда ледяного мусора.

Но фигура у стены шевелится. Даже ругается сквозь кашель.

Эгорд и Леарит подбегают.

– Тиморис!

– Ты как?!

Тиморис сидит на заднице, ноги распластаны как ножницы, туловище упирается рукой в землю, другая отгоняет от лица дым, незадачливый маг откашливается.

– Лучше, чем этот...

Ткнул небрежно большим пальцем в кучу ледяных глыб, что совсем недавно была големом.

Видок у повелителя огня тот еще: шлем куда-то подевался, волосы как куст, кончики тлеют, морда в саже.

– Не, а чего... кхо-кхо!.. Получилось же!

Тиморис пьяным жестом окидывает двор.

– Глянь, всех одним ударом, кхо-кхо!

Эгорд помог другу подняться. Леарит накладывает лечебные заклинания, ожоги начали испускать бутоны лучиков, словно к ним присосались пиявки из меда и солнечного света.

Тиморис стонет блаженно.

– Ради того, чтобы прекрасная Леарит обо мне позаботилась, можно изуродовать себя и хлеще!

– И все-таки надо быть осторожнее, дорогой Тиморис, –

говорит бывшая богиня, сосредоточившись на магии.

– Тебя спасли защитные амулеты, – говорит Эгорд. – Ваялся бы сейчас в пяти местах одновременно. Амулеты спасают ценой своей жизни, а ты не бережешь.

Тиморис отмахнулся.

– Ямор с ними! Попрошу у Халлига еще, он добрый, не откажет.

– На тебя не напасешься.

– Эй, а кто говорил, что в учебе главное практика?

– Практиковался бы лучше с Велирой. Почему сегодня не пошел в пещеры? Леарит пришлось снова тебя подменить.

Тиморисова рожа похмурила.

– Ох, Эгорд, не дави... Лучше еще подорвусь на огненном шаре, чем встречусь с Велирой. Когда вижу ее глаза, кажется, вспыхну, и пепла не останется, куда там файерболам...

– Не думал, что тебя можно пристыдить.

Тиморис вздохнул.

– Уграздило же меня стать отцом такой бестии. В ней столько ненависти ко мне, аж мурашки по коже!

– Девочка хорошая, – говорит Леарит мягко. – Просто жизнь ожесточила. На самом деле, любит тебя.

Девушка заканчивает с целительством, Эгорд придерживает Тимориса за плечи, суетится как портной над хрупким манекеном, тот с двадцатой поправки наконец-то держится на ногах более-менее, Эгорд оценивает с макушки до сапог. Сойдет.

Тиморис нервно посмеивается.

– Так любит, прирезать готова...

– Любит и хочет, чтобы у нее был отец, – убеждает Леарит.

– Завтра не вздумай отлынивать, – предупреждает

Эгорд. – Перестанешь дочку навещать – навестит тебя сама, а это в наши планы не входит. Крепость не должна быть территорией опасности, скоро придут ученики.

Тиморис мрачно хмыкнул.

– И ученицы, – добавил Эгорд.

Тиморис оживает, в глазах огоньки.

– Ученицы, говоришь?.. Ну ладно, ради безопасности учениц, так и быть, повидаюсь с дочкой в сотый раз, наглядно докажу, что соваться в крепость – пустая трата сил.

– Так бы сразу...

– Только это, поторопи события, а то эти загадочные ученики... и ученицы... который месяц обещают появиться, да никак не появятся.

– Потерпи пару недель.

– Терплю уже столько, что можно в Светлый Орден подаваться.

Жея кружит над двором, ее бесхитростная сущность увлечена погоней за птицами, похожими на нее – такими же пышноперыми, но серыми, размером с голубей. Дым попал под влияние ледяной магии, что исходит башня, превратился в серый лед. Жея гоняется за темными двойниками с криком.

Леарит принялась воскрешать големов той же магией, ка-

кой лечат живых. Тиморис восхищенно ругается, превращая крепкие словечки в более-менее сносные для бывшей небожительницы. В капсулах жидкого янтарного света куски льда срастаются, трещины исчезают, конечности слабо шевелятся. Эгорд хмыкнул. Приятно убедиться, что его лед по сложности не уступает плоти – даже целебное заклинание принимает его за мясо.

Палец чувствует жгучее тепло.

– Эгорд, отзовись, – голос Халлига.

Эгорд поднес палец с Оком Асимиры к губам, золотой глаз в оправе мерцает.

– Слушаю, Халлиг.

– Эгорд, я в подземелье, на третьем этаже. Знаешь, где именно. Спустись ко мне... Пожалуйста.

От мысли о месте, что имеет в виду Халлиг, настроение резко портится. Лишь от мысли! А уж явиться туда лично...

– Это обязательно?

– Да.

На какое-то время Эгорд оледенел, погрузился в себя, доспехи покрылись изморозью. Наконец, пришел в движение, пленки льда хрустят, осыпаются.

– Как ты милосерден, светлый жрец, – пробует шутить воин-маг в надежде, что это сдержит лавину темных воспоминаний.

Глава 4

Эгорд прошел через внутренние ворота в крепость, бело-снежность сменилась теплым сумраком треугольных коридоров. Пока сапоги отбивают ритм, голова старается не думать о том, о чем думается.

Третий подземный этаж – самое черное место в крепости. Тьма густая, свет от пламени факелов не может ее прорезать. Спасает заклинание ночного зрения.

За очередным поворотом возник протяжный коридор, в конце – фигурка в белых жреческих одеждах.

Эгорд подходит.

– В чем дело, Халлиг?

Пытается не смотреть жрецу за спину, но взгляд все равно цепляет злосчастную каменную дверь – плиту с паутиной узоров, в центре блестит желоб в форме человеческой пятерни.

Память кровоточит свежими воспоминаниями...

В пальцах Халлига старый лист пергамента, под облачками седых бровей зрачки прыгают как зайцы в клетках, от каждой строчки спасаются метанием к другой строчке. Будто читать не хотят. На лице жреца улыбка.

Эгорд ткнул подбородком в лист.

– Что это?

Халлиг, не отрывая взгляд от листа, посмеивается, качает

головой, будто ему неловко, хотя содержание текста забавит.

– Рылся в своих записях, – говорит Халлиг, – и, представляешь, откопал юношеские стихи!

Эгорд перенял улыбку.

– Ты писал стихи?

– А кто в молодости не писал... В те годы относился к этому серьезно. Думал, совершаю подвиг, дарю миру величайший бриллиант мысли, столько восторга было, ужас! А сейчас и кухарке зачитать бы не рискнул! Но ладно бы только это. Уже тогда я был неплохим магом. Ума хватало, а мудрости... С помощью магии размножил листок с этим опусом до стопки толщины такой, что можно было убить, если размахнуться. И три ночи расклеивал на стенах, столбах, повозках, на спинах дремавших стражников, закидывал в окна, сады, словом... И еще умудрился подписать автора. В общем, дурость мою увидел весь город. А ведь в самом деле думал, что одаряю человечество гениальными мыслями! Взять бы себя из прошлого – да по шее. За чушь, к которой призывал... Эх, молодость...

Листок опустился, Халлиг встал лицом к двери.

– Ладно, боги с ней, с поэзией. Не она побудила вырвать тебя в место, которое так не любишь.

Посох прислонился к плечу, жрец вложил освободившуюся ладонь в замок, желобки повторяют форму пальцев так, словно под его кисть и отливались.

Плита вздрогнула, с узоров осыпалась пыль, Халлиг ла-

доть вынул, дверь медленно и с гулом втягивается в потолок. Из-под плиты льется река голубых лучей. Голубизна окрашивает жреца и воина-мага, начиная с ног, все выше и выше. Эгорд прищурился.

Гул стих.

Халлиг вошел в просторную комнату, озирает с удовольствием. Эгорд вошел следом, взор опущен.

Жрец развернулся к проему, где осталась тьма, рука подняла пергамент к лицу.

– Прощай, юная глупость.

Пергамента коснулся посох, край вспыхнул, Халлиг разжал пальцы, и листок, повиляв в полете огненный хвостом, упал за порог.

Вновь гул, дверь неторопливо едет вниз...

Лист сгорел наполовину, когда дверь с порогом сомкнулась.

Хочется спрятать взгляд куда-нибудь, но теперь картина везде одна – ровная стена кристаллов, таких же, какие Клесса перемальывает на мельнице. Стены, пол и потолок сплошь из кристаллов, в них пульсируют крошечные голубые молнии.

Зрелище было бы прекрасным, но с ним намертво связаны ассоциации, что причиняют боль. За эту красоту заплачена цена слишком высокая.

– Я разгадал секрет этой комнаты, – говорит Халлиг. – Все оказалось просто, хоть бейся лбом о посох, что не понял

раньше. А нужно было всего лишь побыть в ней чуть дольше... Но вижу, тебя не волнует.

– Прости.

Эгорду и впрямь не до того. Как забыть, что Наяду – девушку, которую когда-то любил страстно, да и сейчас в сердце есть ее уголок, – предал, полюбив Леарит?

Наяда ушла. Не просто ушла, а исчезла навеки. Покорно, с любовью, даже собаки не способны на такую верность. Вошла в смертельную ловушку, охранявшую эту дверь, которую Халлиг взломать не мог. Тем самым освободила проход... и простор для любви Эгорда и Леарит.

О боги, почему не возненавидела?! Так ему было бы легче, понятнее... Но в ответ на предательство она принесла себя в жертву. Теперь Эгорд и Леарит могут быть вместе, Эгорд любит ее, в самом деле любит! Но плата – вина, столь же сильная, как за гибель Витора, живет внутри, как кусок плоти. Болит от любого касания.

Хочется это место покинуть, сбежать от едкого чувства, от мыслей...

Вздых жреца.

– Она сама приняла такое решение, – говорит Халлиг с добротой. – Обиды на тебя не держала.

– Лучше б держала.

– А вот ты, похоже, обижен.

Вспыхнул гнев, Эгорд бросил на Халлига взгляд. Жрец смотрит с мягкой отеческой улыбкой.

Эгорд сник.

– Наверное... Доказала, что чище меня, а я – негодяй, каких поискать.

– Она тебя любила. А с любимыми не соревнуются. Вы с Леарит соревнуетесь, кто кого любит сильнее?

Что ответить, Эгорд не знает.

Халлиг снова вздохнул.

– Расскажу кое-что из своей жизни. Отвлечешься.

Что угодно, лишь бы не думать о Няеде.

Впрочем, о себе Халлиг рассказывал редко, так что в самом деле интересно.

Жрец оперся на посох поудобнее, взгляд приподнялся к потолку.

– Мне было семнадцать. Мое первое ограбление.

– Сочувствую...

Халлиг посмеялся.

– Грабили не меня. Грабил я.

– Ч-что?..

Эгорд смотрит на мудрого седого человека в белых тканях со знаком солнца на груди, тот улыбается, будто не сообщил ничего особенного. Эгорд открыл было рот сказать, что такими вещами не шутят, но...

– А ты думал, – говорит Халлиг, – что я так и родился, в жреческой робе, с посохом, бородой и усами? Все мы были кем-то...

Халлиг начал рассказывать.

Личная вселенная Эгорда в тысячу Ямор знает какой раз терпит сдвиг. Кажется, повидал все, мир понятный, привычный... И тут – бах! – снова чувствуешь себя сопляком, жизни не знающим.

Чем дольше Халлиг рассказывает, тем меньше удается верить, что все это делал старший жрец, который сейчас перед Эгордом. Тот юнец грабил, поджигал, видел, как старшие по стае убивали и насиловали, пьянствовал с бандитами...

Прошло, наверное, не меньше часа.

– Ну что, – интересуется Халлиг с улыбкой, – нет еще желания порвать меня на куски?

– Честно говоря... не отпускает мысль, что розыгрыш.

Эгорд смотрит на Халлига с надеждой: может, все же спектакль?

Нет, Халлиг такой же – с беспощадной улыбкой.

Эгорд вздохнул.

– Лучше б шутили.

– То ограбление было первое. А сколько было после... Ты – не худший из грешников, каким себя вообразил. Вина полезна, не дает скатиться в беспечность, повторить ошибки. Но перегибать палку не нужно. Иначе только и будешь себя грызть, вместо того чтобы делать дело. По сравнению с моими ошибками ты сама невинность. Не был даже вором, не то что разбойником! А ведь разбойник – не самое черное из моих ремесел.

– Но как...

– Как с таким прошлым меня занесло в Светлый Орден?

Халлиг развернулся к двери, легким касанием посох выбил из дверных кристаллов ройчик голубых искр. Плита загромыхала, начав подъем.

– Расскажу как-нибудь позже. Пойдем. Мы здесь пробыли достаточно.

И впрямь, скорее бы отсюда прочь. Но ведь жрец позвал сюда, потому что, мол, разгадал секрет этой комнаты. А в чем суть, не объяснил и не показал.

– Халлиг, ты же говорил...

Фраза так и осталась обрывком, взгляд прикован к открывшемуся кусочку земли за порогом.

Пергамент... еще горит.

Языки пламени там же, где и час назад, – на середине!

– Силы небесные...

Эгорд сделал шаг за порог, присел, за эти мгновения лист сторел совсем, тлеет пепел. Пальцы взяли щепоть красных звездочек, растирают в черную пыль.

– Мы же пробыли в комнате не меньше часа!

Халлиг встал рядом, Эгорда накрыла его тень.

– Скажу больше. Я пробыл внутри трое суток.

Эгорд в прострации.

– Ямор меня...

– Этим утром.

Воин-маг в развороте к жрецу поднялся.

– Что?

Жрец кивает.

– Да-да, всего лишь утром. С того момента прошло несколько часов. Для вас. А для меня... Честно сказать, входил и выходил в комнату не раз. Извини, что не сообщил тогда. Хотелось убедиться, что не сошел с ума... и узнать пределы возможностей этого зачарованного места.

Дверная плита с гудением опускается, поток голубого света становится все ниже.

– И как? – спрашивает Эгорд. – Узнал пределы?

– Узнал. Только не комнаты, а свои. Пробыл там трое суток не потому, что комната на большее не способна. Просто нервы сдали...

Плита ударила в землю, пепел отпрыгнул с волной пыли. Снова густая полутьма, свет посоха во мраке темно-желтый как оливковое масло.

– В первый раз прождал внутри пару часов, – говорит Халлиг. – Во второй терпения хватило на сутки. В третий – сам знаешь. Хотел дольше, не смог. Быть долго в тесном замкнутом помещении наедине с мыслями... В голову лезет такое! Отвлекался как мог, читал, даже откопал стихи молодости, думал, стыд поможет не думать о жутком... Без толку. Чем дольше держался, тем сильнее комната внушала ужас. А как еще относиться к месту, которому без разницы, сколько в нем пробудешь – минуту, сутки, еще Ямор знает сколько, – все равно выплюнет тебя в миг, когда в него входил. Боялся, задержусь дольше, чем позволено, и может случиться что

угодно. Выйду – а мир исчез. Или минула тысяча лет. Или вышел Ямору в пасть... Воля иссякла. Сбежал. А затем позвал тебя.

– Довелось мне как-то побывать в тюрьме демонов. Три месяца, но в камере казалось, что прошли тысячелетия.

– Мне надо выспаться. Не спал больше четырех суток. Держусь на зельях. А спать там...

Халлиг косится на дверь.

– Даже помыслить боялся. Кто знает, что случится, если там уснуть.

– Ступай к себе. А голову ломать пока буду я...

Они пошли от двери прочь.

Что же это за комната? Кто ее создал? На что еще способна?

– Говоришь, много прочитал, там, внутри? – спросил Эгорд.

– Стопку книг до пояса.

– А в реальном мире прошел лишь миг...

– Бесконечное обучение?

– Угу.

– Тоже об этом думал, – говорит жрец. – Заманчиво, особенно в свете того, что скоро в крепости будут ученики. И нам полезно. Быть может, даже больше, чем им... Ох, ладно, лучше со свежей головой.

– Да-да, поспи как следует.

– Только не заходи туда без меня! Этому месту пока не

доверяю...

– Хорошо.

Из подземелья вышли, дальше – в разные стороны.

Эгорд бредет с опущенной головой, не зная, куда. Под крепостью помещение, которое бесконечно экономит время, а еще Халлиг, оказывается, был грабителем. Халлиг! Светлый жрец!

Обдумать бы как следует, разложить по полочкам, успокоиться...

Но некогда.

Если завтра выяснится, что люди превратились в куриц, а мэром Старга назначили Ямора, отвлекаться права нет. Есть цель – создать школу ледяной магии, и надо быть твердым как лед, двигаться к ней по строго намеченному плану.

Сейчас по расписанию – работа в башне. Нужно улучшать снежные чары. Магическая аура острова поедает много энергии, аппетиты надо сбавлять и, вместе с тем, повышать качество заклинаний.

Эгорд встряхнул головой, края серебристого плаща скользят по полу в направлении лестницы.

Башня изнутри – одно из красивейших мест на острове. Улей, где сгущаются сотни ледяных чар, и через эту гущу течет мощный поток энергии. Нет слов, чтобы описать то, что Эгорд видит каждый день, проводя часы в сердце потока.

В башне воин-маг трудится до вечера. Ему помогает Лерит. Навыки бывшей богини превосходны, быстро сумела

приспособить светлую магию для помощи Эгорду в ледяном творчестве. Без Леарит работа шла бы медленнее.

Иногда от плетения чар Эгорд отвлекается – полюбоваться фигуркой в изящных доспехах, золотыми волосами, бриллиантовыми переливами в глазах... Порой, засмотревшись, создает бесы знают что, приходится брать себя в руки, а то не ровен час, переплюнет Тимориса, превратит в сосульку весь остров вместе с воздухом и частью океана.

Тиморис же, кроме драк с големами, развлекается кухонной магией. В этой области у него талант, кто бы мог подумать. Освоил сам, без Эгорда и Халлига, исключительно по книгам. Метнуть банальный огненный шар ему куда сложнее, чем наколдовать жареного тунца со специями.

В окнах – ночной мрак.

Эгорд и Леарит ужинают в зале, тут одновременно кухня и трапезная. Вокруг суетится Тиморис, расставляет блюда, разливает напитки. Эгорд рассказал об открытии Халлига, но умолчал о его разбойничьем прошлом. Пускай жрец скажет сам, если захочет.

– Бедный Халлиг до сих пор спит, – сообщила Леарит.

Тиморис качает головой, насыпая в миску салат.

– Вот же бесятина! И откуда взялась эта комнатуха?

– По крайней мере, – говорит Эгорд, – ясно, откуда прежний хозяин крепости, темный архимаг, черпал могущество, не свойственное Темному Ордену.

– В смысле?

– Долголетие, урожайность, лечение всех болезней... Не знаю, как, но блага, которыми архимаг одарял местных, как-то связаны с комнатой. И крепость, и саффлы, и хитроумные ловушки, что стерегли дверь... Не мог такое осуществить архимаг Темного Ордена.

– Хочешь сказать, – говорит Тиморис, – это рогатое чучело откопало источник магической халявы?

– Именно!

– И источник этот...

– ...на третьем этаже подземелья.

Тиморис бухнулся на скамью между Эгордом и Леарит, последние сидят друг напротив друга, воин-маг постукивает торцом вилки о стол, Леарит, уложив подбородок в чашу ладоней, бродит взором где-то не здесь.

Под скрип ножа в боку дыни Тиморис вздохнул.

– Интересное местечко. Надо бы запереться там на недельку. С какой-нибудь красоткой, хе-хе! А то от скуки об стену убьюсь... Но Ямор, откуда этот бесов нужник взялся?! Кто-то же его создал!

– Это хотел спросить у тебя, Леарит, – сказал Эгорд.

Наблюдать за ней всегда интересно, но в этот раз перед Эгордом не только возлюбленная, но и женщина, прожившая тысячи лет.

Тиморис повернул удивленную рожу к Леарит.

– А фто, – говорит с набитыми щеками, – нафа бофиня фто-то фнает?

Леарит медленно кивнула.

– Может быть... Конечно, за долгую жизнь была свидетельницей того, о чем помнят лишь книги, слышала много легенд, но... Словом, есть легенда, но такая древняя, старше меня... В то время люди не знали темной и светлой магии, а боги еще не делились на небожителей и демонов.

Тиморис заинтересованно промычал. Силится проглотить то, что прожевал, глаза навывкат, кулак приготовился долбить в грудь, если не пролезет.

Эгорду уже не до еды.

– Та-а-ак...

– Когда мы были в тюрьме демонов, Эгорд, я рассказывала, что боги создали мир, где выжить можно было, лишь сражаясь на пределе, и населили мир своими детьми. То были первые люди. Поколения людей менялись, и со временем далекие потомки богов сумели мир приручить... Тогда боги обрушили на мир новую волну катастроф, еще более страшных, но вместе с тем дали людям магию. Выживали в той ужасной эпохе лишь те, кому удавалось магию освоить.

Эгорд кивнул.

– Помню, ты говорила.

– Но до второй волны катастроф среди людей возникла таинственная община, малочисленная, но ей быстро удалось набрать неслыханное могущество. Сравнимое с высшими ступенями светлой и темной магии. Но к магии отношения не имело. Потому, кстати, боги эту легенду не любят,

считают байкой. Им не нравится, что на земле появились те, кто смог быстро обрести огромную силу без божественной помощи. Члены общины изменили себя до неузнаваемости, стали сильными, выносливыми, ловкими, почти неуязвимыми, но еще больше изменился разум. Сверхлюди умели читать мысли, подчинять волю обычных людей, могли объединяться в один разум. Обычные люди считали их монстрами, боялись, однако у новой расы не было цели захватить мир. Они хотели от мира отдалиться и никогда с ним не пересекаться, строить свой. Приспособили тела для жизни под водой и погрузились в недра океана...

– Саффлы!

– Да. Но саффлы – не те самые древние существа. Лишь подобия. Архимаг, создавший саффлов, видимо, раздобыл... эээ, рецепт, что ли... по которому когда-то члены общины превратили себя в могущественных созданий. Не знаю, как раздобыл, но догадываюсь, где.

– Комната!

– Подозреваю, мы наткнулись на одно из наследий древней общины. И оно проливает свет на загадку, что несет легенда.

– Загадку?

– Как уже сказала, богам крайне скверно сознавать, что община набрала могущество невероятно быстро. Как ей удалось? А комната дает ответ.

– Растяжение времени.

– Ух, кровь от мозгов к пузу хлынула, соображаю плохо, – сказал Тиморис, с сочным хрустом отгрыз половину огурца. – Фто фы имеефе ф фиду?

Эгорд повернулся к Тиморису.

– Например, запереться в той комнате лет на тысячу, прихватив все знания мира, а там посвятить все время их изучению, заодно боевым и прочим тренировкам... Представь, кто выйдет из комнаты через тысячу лет? Учти, тысяча – это для него, а если наблюдать снаружи, войдет человек, а через миг выйдет... Ямор знает кто!

Тиморис вздрогнул.

– Жуть! А по мне, если кто и выйдет, так это скелет. До тысячи, к твоему сведению, не доживают.

Эгорд усмехнулся.

– Скажи это ей.

Кивнул в сторону Леарит.

Нос Тимориса уставился на бывшую богиню, рот, открывшийся что-то сказать, медленно искривляется, воин чешет в затылке.

Леарит прыснула в ладошку.

– Но ты, конечно, прав, – успокаивает Эгорд. – Человек даже в безопасных условиях проживет не дольше ста. Однако, во-первых, посвятит эти годы познанию, не исключено, что найдет способ жизнь продлить. А во-вторых... Подозреваю, у комнаты, кроме свойства деформировать время, есть куча других подарков, вполне может быть, что умеет замо-

раживать старение.

– Ну картина! – протянул Тиморис. – Но все равно, без легиона девочек туда бы не сунулся. Свихнуться можно, если тыщу лет только книжки читать да саблей махать!

– Читая книжки, можно стать легендарным магом, – сказала Леарит и перешла на шепот: – Наколдуюшь девочек, каких хочешь!

Тиморисова рожа стала мечтательной.

– Ух ты! А что, мысль! Может, в самом деле наведаться в ту комнатку? А то несправедливо: у Эгорда есть ты, у Клессы – Камалия, даже у этого бревна с клешнями Хафала не кто-нибудь, а моя собственная доченька! И только я никому даром не нужен!

– Ничего, – утешает Эгорд, – скоро будешь преподавать уроки боевого мастерства ученицам.

– Скорее бы! – сказал Тиморис.

– Только прошу, ограничься уроками **БОЕВОГО** мастерства.

– Какой ты жестокий, Эгорд! – осуждает Тиморис. – Со всем не щадишь друга. Кто спас твою за...

Покосился на Леарит.

– ...эээ, замечательную голову из царства демонов?

Эгорд отмахнулся.

– Ну все-все!

– Что, нечем крыть? То-то же! Ладно, народ, хватит языки о воздух чесать, чешите лучше о мою стряпню. Еды на роту

солдат, чавкать надо, чтоб стол ходуном, а вы ковыряетесь как воробьи. Кто все это будет жрать? Опять она?

Тиморис ткнул в Жею.

Огненная птица на краю стола около Леарит, клюв долбит булку хлеба, та склевана наполовину, другая половина под напором жарких лучей птицы спеклась в сухарь, от каждого клювьего удара хруст и залп крошек во все стороны.

– Зоб не треснет, милая? – обращается Тиморис к птице с укоризной, но губы все равно растягиваются до ушей. – И как в тебя влезает? В прошлый раз обчистила все тарелки, хвала богам, что уцелели сами тарелки, и то не все...

Примирительный вздох.

– Ну, хотя бы этой пернатой красотке я нужен.

После ужина Эгорд и Леарит отправились в свой секретный уголок вне крепости – в роще ледяных деревьев, под землей. Вход замаскирован чарами, чтобы Тиморис или кто другой случайно не набрел.

Это тайное место принадлежит только им двоим.

Здесь пещерка, в ней – волшебное озеро. Вода непрерывно бурлит, храня баланс между теплой и горячей, от тысяч лопающихся пузырей – белая. Воздух затуманен паром, его выюны летят от поверхности воды к потолку, падают обратно крупными тягучими каплями, озеро под дождем. Источник света – сама вода, словно гигантский котел алмазов растопили, как обычный лед, и залили сверкающей массой озерную котловину.

У водопада, что наполняет пещерку уютным шипением, обнаженные Эгорд и Леарит в воде по пояс, лбы сомкнуты, скользящие по коже капли очерчивают фигуры, веки опущены, оба в чувственном трансе. Эгорд расчесывает гребнем пальцев мокрые волосы Леарит, прижимает к себе за талию, ладони девушки у него на плечах.

– Так мало нужно для счастья, – прошептала Леарит.

– Да...

Медленно танцуют под шипучую музыку водопада и пузырей, под звон капель с потолка, в дуэте дыханий Эгорд слышит грудью биение самого дорогого из сердец.

– Устала?

Леарит положила голову ему на плечо.

– Сделать бы так, чтобы завтра не наступило...

Эгорд подумал о комнате в подzemелье.

«Чтобы завтра не наступало» – идея теперь вполне осуществимая.

Нет, мысли прочь. Сейчас не до забот, здесь только он и она, а мир до утра пусть катится к бесам.

– Всякий раз, когда мы здесь, – говорит Эгорд, – думаю, что следующего раза может не быть. Лучше просто наслаждаться, пока время есть, выжимать из каждого мига все соки.

Леарит засмеялась томно.

– Выжимать...

Танец привел к берегу.

Совсем близко от Эгорда – бриллианты в глазах Леарит, росинки на ресницах и бровях.

Эгорд слепнет от поцелуя, два тела яростно сливаются в существо, что себя не осознает, лишь страстно пьет из себя жар, как свихнувшийся от голода вампир. Существо становится Эгордом и Леарит лишь на берегу. Берег устлан льдом и снегом, но снег теплый, как пляжный песок, а лед горячий, словно нагретые солнцем камни.

...Просыпается от жжения на указательном пальце. Око Асимиры.

Вот Ямор! Уже утро?

Эгорд пропитан теплом Леарит, девушка спит, от запаха ее кожи у Эгорда в груди трепет, разлеплять веки не хочется.

Но «околько» жжет так, будто палец в зубах у детеныша виверны.

Кто же такой настойчивый? Тиморис? Вечно дергает по пустякам с такой рожей, будто случилась катастрофа. Или Халлиг? Наверное, только проснулся, бедняга, хочет продолжить разговор о странной комнате.

Из Ока бурчит:

– Р-р-р, гребаное кольцо! Копье в задницу тому, кто его сделал! И все из-за этой психованной дуры! Подумать только, я – Я! – великий воин, прозванный среди демонов Пожирателем Душ, унизился до того, что пытаюсь разобраться в магических побрякушках...

Эгорд подскочил, туловище оперлось на локоть.

– Хафал?!

– Ааа, наконец-то! – говорит «околько». – Век бы не слышать твой поганый голос, ледяной червяк! Но пришлось убить на это целый час. Дожил, Ямор меня дери!

Отдышавшись, Хафал выдает громко:

– Чтоб ты заморозил в сосульку свой крошечный...

Эгорд накрыл «околько» ладонью, рычание заглушилось, смотрит на Леарит, опасаясь за ее покой.

Девушка тихо простонала, свернулась клубочком.

Сопение безмятежное...

Эгорд выдохнул, ладонь с кольца убралась.

– Я тоже рад тебя слышать.

– Р-р-р, дерьмовое кольцо! Налезло только на мизинец. Пока насаживал, содрал мясо! И все из-за этой истерички!

– Я же отдал кольцо Велире. Почему на связь вышел ты?

– Этой дуре снова захотелось показать, какая она... гр-р-р-р-р!.. Придушу, стерву!

– Объясни внятно, что стряслось!

– Р-р-р...

Судя по тону рычания, демон в сомнениях. Не хочет обращаться к врагу за помощью, но нечто заставляет.

– Тут... в общем, это...

Торс Эгорда оплели изящные руки, на плечо опустился подбородок Леарит, девушка смотрит на его «околько».

Эгорд хочет извиниться, что разбудил, но, кажется, смысла нет – его прекрасная богиня поглощена тем, что происхо-

дит, не меньше, чем он.

– Ну? – сказал Эгорд в кольцо.

Оттуда сдавленный хрип, демон жаждет послать ледяного мага в неведомые дали, но...

Сердитый вздох.

– Велира исчезла.

Глава 5

Эгорд спускается по склону горы к месту назначенной встречи на розовом облаке телекинеза, фигура в доспехах со сложенными на груди руками плывет величественно, ровно, даже меч за поясом не качается, зато играет волнами плащ.

– Ты уверен, что идея хорошая? – кричит вслед Тиморис.

Прыгает по глыбам льда, точно горный козел, но все равно поспекает за Эгордом едва.

– Мы каждый день ходим в пещеры под скалами напоминать Хафалу, чтобы не совался в крепость. А теперь ты приглашаешь его к нам!

– Сейчас так удобнее, – сказал Эгорд.

– А где Леарит?

– Снаряжается. Чую, сегодня придется идти в пещеры вновь.

– Вот Ямор! Этот дерьмопаук наверняка что-то сделал с Велирой, а теперь сочиняет, что она, мол, куда-то пропала... Убью, гада!

– Разберемся.

Приближаются к алтарю.

Эту площадку на середине склона Эгорд создал для Халлига. Старшие жрецы привыкли совершать молитвы в храмах. Но где взяться храму на острове, что раньше принадлежал темным магам... Поначалу Халлиг возносил молитвы у

себя в покоех, но когда остров получил мощную магическую подпитку в виде снежно-ледяной ауры, Эгорд сотворил гигантский ледяной алтарь.

Воин-маг приземлился на полукруглый ледяной утес, тот всажен в гору, словно бог наступил башмаком, а каблук остался. Поверхность площадью с бальный зал во дворце мэра такая же ровная и блестящая, как пол в том зале. По краю полукольца возвышаются статуи богов, в середине – статуя Малиина, главного бога. Чтобы обозреть ледяные лица, голову пришлось запрокинуть.

Ветер усилился, снежинки танцуют бурно.

К Эгорду прыгнул Тиморис. Оба идут к статуе слева, там из-за ноги бога мелькнул кончик здорового скорпионьего хвоста.

– Держи себя в руках, дружище, – попросил Эгорд.

– Если этот уродец тронул Велиру, то извиняй, Эгорд. Я его на котлеты...

Дальше Тиморис бубнит, не разобрать, кулак шлепнул в ладонь.

За статуей лежит демон. Руки за голову, согнутое колено лениво покачивается туда-сюда. Над блестящим от хитиновых панцирей телом извивается не менее блестящий хвост, жало вырезает на ноге бога непристойное слово, дымит стекающая по льду зеленая кислота-яд, лед исчерчен руганью от пяты до лодыжки.

– Ну, хоть писать умеет, – пробормотал Эгорд.

Голова демона повернулась к пришедшим. Глазницы жидкого зеленого огня. Жвалы раскрываются, сверкают белые острозубые челюсти.

– Ааа, явились...

Демон вскочил дугой, ступни ударились об опору с грохотом, ледяной пол треснул, хвост взвился как пламя.

– Не мог выбрать место лучше? – рычит Хафал. – Я, демон, уже час торчу под задницами небесных выроdkов!

Отхаркнул, плюнул в израненную жалом ногу статуи.

– Не ври, – говорит Эгорд. – Ты здесь минут десять, не больше.

– Тоже мне, разница!

– А ну отвечай, говнюк, что сделал с моей дочерью?!

Тиморис надвигается на демона с кулаками, рожа как раскаленный камень.

Эгорд удерживает за наплечники.

– Не сейчас, друг.

Демон фыркнул.

– Твое придурочное отродье с сиськами, похоже, само с собой что-то сделало! Дура, вся в папашу! Оно и видно, ха-ха!

– Да я тебя!..

Тиморис сам почти демон, порывается к Хафалу, Эгорд обхватил его туловище, тянет назад.

– Остынь.

Воин лягается.

– Убью!

Лед под ногами Тимориса выращивает кольчатые ледяные щупальца, те оплетают сапоги.

Эгорд отступил, воин тут же сделал очередную попытку кинуться на Хафала, но в итоге – нелепый выпад, Тиморис тут же вернулся в прежнее положение, руки в стороны, удерживать равновесие. От ледяных щупалец вьется белесый мороз.

Хафал держит лапы на поясе, грудь вздувается и выгибается от хохота.

Эгорд метнул в него острый взгляд.

Пасть демона заткнул ледяной кляп. От неожиданности Хафал пошатнулся, ручищи инстинктивно подбросило, контуры зеленого света вокруг глаз округлились, спустя миг на Эгорда глядят два острых жидких изумруда.

Хафал хищно согнулся, вот-вот прыгнет, рычание такое, что ледяной кляп белеет от трещин, хвост рубит воздух со свистом.

– Не успокойшься, – предупреждает Эгорд, – заморожу всего.

Человек-скорпион зарычал громче, от кляпа откалываются пирамидки, демон от напряжения взбух, сжал веки, в белый, как молоко, лед ударили жвалы, лед со стеклянным звоном разлетелся бутоном сверкающих мух.

– Р-р-р, ледяная падаль!..

Демон кашляет, язык вываливает под ноги остатки льда.

– Разбить бы тебе череп! Угомони лучше своего дружка!

К этому времени Тиморис закончил шквал ругательств, не удалось разобрать, на кого был направлен – на Хафала или Эгорда. Воин пыхтит как пробежавшая через царство демонов лошадь.

– Успокоился? – спросил Эгорд.

Взгляд воина хочет Хафала сжечь. Хорошо, что из Тимориса огненный маг пока никудышный, сжечь взглядом настоящему не способен. Хафал нужен Эгорду живой. Впрочем, демонам огонь вреда не причиняет.

– Что ж, надеюсь.

Щелчок пальцев, и ледяные щупальца рассыпались, Тиморис сделал порывистый шаг вперед, перетаптывается на месте, осколки щупалец расползаются живой колючей лужей, превращаясь под действием ауры острова в ледяных муравьев.

– Зверюга ты, Эгорд, – процедил Тиморис.

– Ага, зверюга, – рычит демон, – называется червяк!

– Может быть, – говорит воин-маг равнодушно. – А теперь, Хафал, расскажи то, что говорил через кольцо, только без воплей, матов, проклятий и прочих лирических отступлений.

– Р-р-р...

Голова демона опустилась, взгляд в сторону, когти почесывают в затылке, хвост волнуется как пламя свечи на сквозняке.

– Когда ты со своей бабой улетел, мы с Велирой поругались, затем подрались. У нас это ничего особенного, по десять раз на день собачимся. Потом не разговариваем, иногда эта дура убегает и не показывается несколько часов, но всегда возвращается. Но в этот раз поцапались славно, друг друга чуть не убили, Велира убежала и... ее нет уже сутки.

Хафал снова глядит куда-то в себя. Свиристое бормотание, наверное, демон кричит воображаемой Велире, какая она дура, стерва, вшивая бестия, вонючая подстилка пиратов, прибил бы как крысу...

– Мы в скалах уже бес знает сколько, но никогда не расставались дольше, чем на три-четыре часа. Стал искать – нашел пещеру. Там на камнях рубцы от сабель, земля разворочена, и еще кровь. Ее кровь. Наверное, дуреха на кого-то напоролась, а тому не понравилось... Может, он ее сожрал. Или взял в плен, или она погналась за ним... Я нашел лишь кольцо.

– А как узнал, что кровь ее? – спросил Эгорд.

– По вкусу. В драках часто друг друга раним. Вкус ее крови познал давно.

Хафал ухмыльнулся.

– Такой сладкий, не спутать ни с чем!

Тиморис надул щеки, Эгорд опустил ладонь ему на плечо, смотрит на демона.

– Пытался идти по следу?

Демон кивнул.

– След уходит в нижние пещеры, но очень скоро обрывается. Будто Велира и ее враг просто исчезли. Магия! Вот и пришлось обратиться к тебе, ледяной червяк, ты в этом вроди... чего-то... гр-р-р, понимаешь... как бы... немножко... совсем...

– Я ему не верю! – крикнул Тиморис.

– По крайней мере, надо взглянуть, – говорит Эгорд. – Слушай, Хафал, зачем тебе вообще понадобилось ее искать? Ты же демон, не какой-нибудь, а сын великого Зараха! Сгинула – и бес с ней! Ты что... за нее беспокоишься?

– Что-о-о-о?!

Глаза демона вспыхнули, сгорбился как перед броском, хвост извивается крутыми петлями.

– Да мне на эту курицу насрать с высокой башни! В царстве демонов таких орда, и все красивые, умелые, не брыкаются, сами кого хошь изнасилуют, не то что эта... Но мне здесь торчать Ямор знает сколько, пока тебя не убью, скотина ледяная! А с этой дурой не так скучно, есть с кем погавкаться, клешнями помахать. И дерется неплохо, тренируюсь каждый день, с ней быстрее отточу навыки, быстрее приближу миг, когда тебе череп воткнется мое жало, ха-ха!

Тиморис схватил рукоятку сабли, из ножен полезла гладкая и чистая, как зеркало, полоса, но на полпути клинок к ножнам примерз.

– Эгорд!

– Хватит, Тиморис! – повысил голос ледяной маг. – Не

время.

– Дай хоть саблю в ножны вернуть!

Лед с клинка слетел как пух с одуванчика, пыль твердой воды оформляется в прозрачных насекомых. Щелчок гарды о ножны нарочито громкий, как ругательный вопль.

Хафал гнусно посмеивается, но в присутствии воина-мага дальше этого не заходит.

Эгорд смотрит на склон горы с улыбкой.

– А вот и Халлиг.

Халлиг парит вдоль тропы, его покачивает розовое облако. За жрецом скачет пара ланей, вокруг него вихрь птиц. Ледяные животные любопытны, но безобидны.

Снегопад усилился, валят густые потоки, снежинки как комочки ваты, пушинки объединяются в живые колонии – снежных призраков. Те изображают каких-то людей, имитируют немые сцены, события... Что-то из памяти Халлига. Таково свойство снежных фантомов – отражать воспоминания тех, кто рядом. Эгорд не раз узнавал в роях снега черты Наяды, Милиты, Витора, Зараха...

Края жреческого одеяния коснулись пола алтаря, зазвучали шаги, в этот ритм вклинивается ритм посоха, его нижний конец то и дело ударяет о лед. Волшебная живность границы алтаря пересечь не решается. То ли испытывает священный трепет перед статуями богов, то ли боится демона.

Эгорд махнул рукой.

– Доброе утро, Халлиг!

– Хочется верить, что так, – говорит жрец размеренно, в голосе свежесть. – Хотя встретил Леарит, она рассказала, что случилось.

– Доброе, да не совсем, – проворчал Тиморис.

Белая фигура выросла до размеров присутствующих, шаги оборвались, жрец оглядывает всех.

– Вижу, все здесь, даже наш демонический гость.

Хафал с презрением отвернулся.

– Как спалось? – спросил Эгорд.

– Парочка кошмаров, пустяки... После столь долгого бодрствования – дело обычное. Значит, хотите уйти на поиски?

– Да. Но тебя, Халлиг, прошу остаться. Нужно присматривать за островом, первые ученики прибудут через две недели, надо успеть подготовить все. И разобраться с нашим загадочным открытием под крепостью... К тому же, кто-то должен обеспечивать нам связь с внешним миром, пока будем под землей. Думаю, ты, Клесса и Камалия справитесь.

– Конечно, Эгорд! Можешь положиться.

– Отлично. Схожу за Леарит. Халлиг, будь добр, проследи, чтобы эти двое друг друга не поубивали.

Тиморис и Хафал вновь перестреливаются злыми взорами.

– Да, проваливай, червяк, без тебя будет веселее!

– Не советую распускать лапы, Хафал, – предупреждает Эгорд. – Халлиг не менее... кхм... убедителен, чем я. Тебя

тоже касается, Тиморис.

– Разберемся, – буркнул воин, не отрывая взгляд от демона.

– Все будет в порядке, – говорит Халлиг добродушно. – Послежу, заодно подготовлюсь к молитве. Ступай.

По пути в крепость, в одиночестве, Эгорд исследует остров и пещеры в скалах с помощью шпионских ледяных стрекоз. С момента, когда была создана первая стрекоза из зеленого ядовитого льда, Эгорд ежедневно творит в лаборатории новых, остров заселила уже целая армия незримых летуний. О них до сих пор не знает никто, даже проникательный Халлиг. Есть, правда, подозрение, что Леарит узнала, когда была богиней и умела читать мысли. Но если и знает, то молчит.

Плащ скользнул через порог внутренних ворот крепости, стрекозы успели показать Эгорду через Око Асимиры весь остров, воин-маг осматривает пещеры в скалах, самую верхнюю систему ходов. Но даже там стрекозы-разведчицы заселили далеко не все полости. Сеть пещер под скалами – мир гигантский.

Бывают кустарники, с виду мелкие, но корни расползаются на сотни метров вглубь и по сторонам. Эти пещеры – такой же громадный корень каменного кустарника под названием скалы.

Эгорд вглядывается в лучистую картинку из «окольца», оно показывает то, что видит глаз очередной стрекозы. Пещеру в пестрых мерцающих растениях.

Ее сменил взгляд другой ледяной шпионки, та пролетает лабиринт сталагмитов, обжитый муравьями.

Виды меняют друг друга каждые несколько секунд...

Ничего.

Даже верхних пещер очень много, шанс найти ту, где Хафал обнаружил кровь и следы борьбы, ничтожно мал. Надеяться на удачу – дело гиблое, надо туда идти, Хафал покажет.

Поглощенный наблюдением Эгорд пару раз споткнулся, трижды сшибся плечами с ледяными големами, но у двери их общей с Леарит комнаты «окольцо» погасло.

Дверь распахнулась изнутри, вылетела Жея, Эгорд согнулся как деревце под ураганом, равновесие удержал едва, комета солнечных перьев вывернула в коридор, треугольные стены отражают ее крики, явно радостные – предвкушает новые приключения, глупая. Лучше бы их не было, наприключался, сыт по горло...

Эгорд вошел.

Где может быть девушка, которая переодевается? Конечно, у зеркала. Даже если грядет не бал, а опасный поход в пещеры, надо же выглядеть чудесно!

Леарит надевает серьги из светло-голубых наядитов – кристаллов, чья энергия питает остров, в камнях извиваются миниатюрные молнии. Половина доспехов исчезла, серебристый кокон пластин открыт – живот и поясница обнажены, руки от локтей до наплечников тоже сияют молоком кожи, на бедрах вместо строгой облегающей скорлупы теперь юб-

ка из длинных, как ножи, стальных лепестков и кольчужной паутины.

Волосы заплетены в две косы, тяжелые золотые канаты свисают с груди, Леарит опускает на голову серебристый обруч в узорах, в центре сияет большой кристалл той же природы, что в серьгах.

Эгорд обнял за талию.

– Красавица!

Поцелуй в шею.

Из Леарит выпорхнула стайка смешинок, голова откинута на плечо Эгорда, запястья оплели его затылок.

– Человеческие радости были так давно, забыла напрочь, а теперь будто переживаю заново, как младенец.

– Не хочу брать тебя с собой, подвергать опасности, но оставить здесь...

– Вместе, что бы ни случилось.

От крепости вниз по склону Эгорд и Леарит летят рука об руку в общем облаке телекинеза, как внутри розового солнца. Вокруг шустрой огненной луной кружит Жея. Армии снежинок попадают в поле действия розовой звезды, закручивают хороводы, мелькают ледяные жуки, воробьи, голуби. Порождения магии чуют магический источник, стремятся как мотыльки к костру.

На территории алтаря Халлиг ходит от изваяния к изваянию, посох выжигает на постаментах две руны – имя бога и имя того, кто будет возносить молитву. Так связь между

богами и человеком во время молитвы крепче.

Эгорд и Леарит приземлились на край площадки, Халлиг обошел почти весь пантеон, широким полукругом горит цепь золотых символов, жрец работает над последней парой рун.

Недалеко от Эгорда на ледяной глыбе сидит Тиморис, по лезвию сабли сердито лязгает точильный камень. Щека блестит красной решеткой царапин, вокруг глаза фиолетовая лепешка. Доспехи привлекают внимание свежими вмятинами, на пластинах россыпи мелких кратеров, такие оставляет кислота Хафала.

Демон на другом берегу алтаря, у лодыжки верховного бога Малиина. Лежит на спине, руки за голову, нога на ноге, жало в медленном гневном ритме долбит статую, от каждого удара грохот, фейерверк осколков. Половина хитиновых щитков черные как древесина после пожара.

Эгорд покачал головой.

– Олухи.

– Для меня вновь есть занятие.

Леарит сложила пальцы в замок, заломила с хрустом, те расцепились, колышутся как два факела, вновь готовы стать проводниками целебной силы. Сапожки цокают на пути к Тиморису.

Воин, подняв глаза на Леарит, расплылся в улыбке. Улыбке не хватает пары зубов.

Эгорд вздохнул.

Впрочем, Тиморису, кажется, похорошело даже без лечения, когда увидел изменившуюся Леарит – роскошные косы, блеск серег, изгибы оголенной талии, юбка позвякивает кольчугой и полосками стали. Эгорд и сам любитесь.

Покончив с рунами, Халлиг вышел в центр алтаря, фигура в белых складках развернулась к статуе Малиина. Опустилась на колено, посох как опора.

Голова склонилась, лицо исчезло за седым занавесом волос.

– Я служу солнцу.

К жрецу лениво обратились глазницы Хафала, зеленый жидкий огонь очерчен враждебными уголками. Демону быть при молитве – что волку отдыхать на пирушке охотников.

– Если скажет солнце, что я – тьма,
И начну творить дела темные,
То я – воистину тьма.
Если скажет солнце, что я – тьма,
Но продолжу творить дела светлые,
Значит, солнце затмили тучи.

Хвост лупит по статуе громче, назойливее, залпы ледяного стекла как настоящие взрывы, демон пытается Халлига заглушить, сбить с толку, возмутить.

– И если в небе – лишь тучи,
Все равно я верен солнцу.

Хафал вскочил, прошел небрежно вокруг ледяной ступни. Повернулся к ней мордой, спиной к Халлигу и остальным, ноги расставлены широко, руки скрываются за скорпионьей тушей, возятся...

На большой палец бога с шипением полилась обильная желтая струя, демон довольно стонет.

– И если вокруг холод и тьма,
Найду тепло и свет,
Где их нет.
Холод, согрей.
Тьма, озари.
Солнце не в небе,
Солнце – во мне.

Из глубины небес на Халлига опустился столп света, в снегопаде границы луча различаются четко, световая колонна издает приятное хоровое пение. Молитва услышана и принята, боги довольны.

Свет угас, жрец поднялся, к Эгорду идет совсем иной Халлиг, будто родился заново, взгляд устремлен вверх Эгорда, жрец воодушевлен, хоть в улей драконов сейчас кинулся бы

без раздумий. Благословение коснулось и Эгорда, воин-маг чувствует себя гораздо лучше.

– Ого! – восхитился Тиморис. – А это было чего?

– Главная молитва Светлого Ордена, – объясняет Леарит. – Между прочим, именно эту молитву послушники читают при посвящении в жрецы, и если боги отвечают, послушник в Орден принят, отныне он – жрец света.

– Здорово! Но мне с моими наклонностями такое не светит. И ладно, хватает того, что время от времени меня лечит такая прекрасная богиня. И не говори, что бывшая! Для нас ты всегда богиня!

– Спасибо, друг мой!

Леарит закончила исцелять, щека Тимориса вновь целая, от удара в глаз не осталось и следа, настроение выше крыши, зубы сияют полными рядами.

Пластины Хафала вновь обрели бурый цвет, ожоги исчезли. На демонах все заживает быстрее, чем на собаках, даже лечить не нужно. Впрочем, статуи, что Хафал испортил, тоже как новенькие. Их лед пропитан мощнейшими чарами, любые повреждения зарастают очень скоро.

– Когда боги с тобой, чувствуешь себя непобедимым, – признался Халлиг. – Даже смерть не страшит.

– Такова натура божьих детей, – говорит Эгорд. – Детям спокойнее, когда рядом отец, который все видит, знает и понимает. Кто-то больший, чем они, чьей воле можно служить, не принимать решений, не брать ответственность. Даже за

свою жизнь. Если над человеком нависает смерть, умирать легче, думая, что так угодно богам.

Халлиг озирает Эгорда, Тимориса и Леарит.

– И все же постарайтесь вернуться живыми, друзья. Без вас этот маленький снежный мир осиротеет. Да и мне без вас как-то... не так.

– А вот мне без вас самое то! – рычит. – Но придется терпеть ваши поганые хари, пока не найдем эту припадочную!

Четверо повернули головы в сторону Хафала, тот приближается. Жало со свистом стряхнуло избыток яда, зеленая гуща впечаталась в лед, там разеваются дымные рты ямок.

Губы Тимориса узлом, кулаки сжались.

Эгорд тоже бы вспылит, но давно научился не замечать выходки демона. Рад, что Халлиг и Леарит тоже делают вид, что ничего возмутительного не происходит. Если в костер не бросать дрова, он потухнет, и пожара не будет.

– А мое личико тоже поганое? – поинтересовалась Леарит.

Хафал остановился в нескольких шагах от компании, глазищи пожирают девушку, сперва лицо, затем очерченную косами грудь, та теперь тоже более открытая, затем ниже и ниже. Когти скребут затылок.

– Ну-у-у... – тянет демон, снова пялясь на грудь. – Ладно, твоя мордашка не такая уродливая. Но твоя рожа, червяк!..

Хафал зыркнул на Эгорда.

– Твоя рожа такая мерзкая, р-р-р, шкуру б с нее содрать! И этой шкурой не стал бы даже подтирать задницу!

Воин-маг посмеивается.

– Какое лестное мнение. Видимо, я и впрямь красавец...

В смысле, уродец. Да, милая?

Леарит кивает жарко.

– Урод, каких поискать!

Демон надулся гордостью, похож на неприступную стену.

– Во-во, урод! Наконец-то дошло, ха!.. Ладно, букашки, долго тут еще торчать? Пора под землю!

Тиморис, по-прежнему злой, проходит мимо демона, пальцы теребят рукоятку сабли, воин идет дальше, к другому краю алтаря.

– Первая здравая мысль с твоего вонючего языка...

– ...сказал вонючий язык, ха-ха!

Демон пошел за ним.

Эгорд взял Леарит за руку.

– В самом деле, пора. До встречи, Халлиг! Постараемся, чтобы она состоялась.

– Береги себя, Халлиг! – произнесла Леарит сердечно.

– Да хранят вас боги!

Человек-скорпион на ходу оглянулся.

– Чтоб вы друг друга поубивали!

– И тебе успехов, демон.

Хафал развел жвалы, блестит белая глыба челюстей, то ли оскал, то ли улыбка.

Четверка минула изваяние Малиина, плотной цепью заняла кромку ледяного обрыва.

Тиморис подтянул ремешки, осмотрел себя, все ли в порядке. К горлышку походной бутылки присосались губы, пузатый глоток, пробка со скрипом возвращается домой, воин то и дело косится на демона.

Эгорд окидывает взором белое платье горы, рои снега дают воздуху глубину, правая половина тела пронизана холодом, левая в тепле прижавшейся к плечу Леарит.

Демон разминает суставы, грудные панцири выгнуты гордо, ладони на боках.

Плевков за обрыв.

Слюнной дротик под действием магии острова распустился ледяной летучей мышью, тварь, визжа, уносится воевать с промелькнувшей рядом стайкой ледяных птиц.

Четыре пары глаз вертятся в попытках вместить в себя скалы. Те будто лес крепостей, каждая в корке льда, куда более грозная, чем цитадель Эгорда, суровая и спокойная, как ветеран, после сотен убийств утративший способность видеть в бою романтику, зато убивать умеющий превосходно.

– И это лишь наружная часть, – говорит Леарит почти шепотом. – А уж внутри... Как найти Велиру в огромном лабиринте?

Глядя на скалы, Эгорд накрыл ее ладонь своей.

– По крайней мере, надо войти.

Из спины воина-мага растут ледяные крылья.

Часть 2

Глава 6

Спуск в пещеры, как обычно, через каньон, что разломил скалу надвое, словно в древности бог вонзил гигантский топор. Эгорд пикирует в облаке телекинеза, ледяные крылья сложены, в его объятиях Леарит. Рядом Жея, клюв раскраивает воздух на горячие ленты, за костром хвоста солнечный след. Тиморис падает внутри солнечной сферы, что создала Леарит, а Хафал свернулся в хитиновый шар, вращается бешено.

Летят по вертикали, но иногда каменный колодец ведет в опасные места или вовсе заканчивается, и отряд сворачивает в соседние скважины. Эгорд и Жея маневрируют легко, Леарит в руках Эгорда при помощи телекинеза ведет сферу Тимориса, а Хафал справляется сам – хитиновое ядро разворачивается, лапы, клешни и хвост тормозят о стены, оставляя в породе глубокие порезы, от них летят осколки, демон перепрыгивает в поперечную пещеру, бежит на четвереньках как волк, а иногда по стенам и потолку.

Полет оборвался в знакомой пещере, дальше каменные извилины тесные, виляют, продвигаться удобнее пешком.

Спускаются цепью.

Эгорд пустил Леарит вперед, теперь он – барьер между ней и Хафалом. Тиморису приказал идти в хвосте, чтобы демон не мог ударить в спину. Воин-маг поглядывает за сыном Зараха с помощью стрекоз-шпионок, тот буравит других взглядом охотника, словно прикидывая, куда и когда удобнее нанести коварный удар.

Тиморис не в духе. Наверное, после спуска почувствовал себя беспомощным. Даже не знающий магии демон может спускаться сам, а его, Тимориса, волокли в сфере, будто калеку.

Демон и Тиморис перестреливаются взглядами и колкостями.

Хлынула ругань, и вскоре дошло до потасовки, пришлось разнимать.

Устроили внеплановый привал.

Тиморис, злой как бес, убежал, Жея с криками улетела за ним. Эгорд помогает Леарит устроиться рядом с шустрой подземной речкой, даже не речка – ручей, заодно следит, чтобы взрывоопасный Хафал не причинил ей вреда.

Тот выплескивает злобу на флоре. Вырывает из расщелин кустарники, те улетают пропасть. Корни жесткие, цепкие, увешаны каменными глыбами, как гирляндами. Хвост швыряет в черноту...

В итоге Хафал более-менее успокоился.

Стрекозы показали, что Тиморис в соседней пещере, тренируется метать саблю.

Эгорд пошел туда.

Когда перед ним возникла спина Тимориса, тот как раз сделал очередной замах, сабля прерывистым свистом огласила крученный полет, в воздухе блеснул призрачный круг, к подножию сталагмита с сочным шлепком упала срубленная грибница, грибы разбились на упругие волокна, вспыхнул рой синих брызг. Оголенный сок даже ярче, чем внутри гриба, но, расстреляв все вокруг, капли быстро угасают, как и синий свет шляпок.

Довольный крик Жеи, птица по крутой дуге снижается к Тиморису, в лапах сабля.

Пролетая над воином, Жея распустила когти, сабля упала Тиморису в ладонь, тот пристально смотрит вверх на другую грибницу.

Эгорд подходит, ноздри втягивают грибной запах.

Подножия стен завалены разбитыми грибницами, всюду лужи сока, под сводом торчат бутоны полых трубочек – все, что осталось после знакомства с саблей.

Тиморис замахнулся, ему на плечо опустилась перчатка Эгорда.

– Чего такой сердитый?

– А что, нельзя? – огрызнулся друг.

Эгорд ладонь убрал.

– Твое право.

– И на том спасибо.

Тиморис кинул саблю, стальной язык отрубил кончик ста-

лактита в облаке молоденьких грибов-шариков.

Грохнуло, обрубок рассыпался. Сабля застряла в другом сталактите.

Жея с криком подлетела к нему, когти вцепились, но выдернуть удалось только с третьего рывка, птицу перевернуло назад через голову, но в падении крылья расправились, воздух несет Жею к хозяину сабли.

– Скоро и дышать нельзя будет без твоего дозволения, – проворчал Тиморис.

По нему проскользнули лучи Жеи, в ладонь шлепнулась сабля.

– Мы за тебя переживаем, – сказал Эгорд.

– Ага, особенно хвостатый.

– Хафал за всех так... переживает.

У Эгорда сигналит «окольцо». Касание пальца выпустило букет лучиков, те слились в портрет Леарит.

– Эгорд, не видел Жею?

– С Тиморисом грибочки собирают. А где Хафал?

– Недалеко, – отвечает Леарит. – Наверное, прячется где-нибудь, пялится, я тут обмывала в ручье ноги...

– Ничо не пялюсь! – прорычало из «окольца» далеко.

Эгорд вздохнул с улыбкой.

– Не дразни его сверх меры, а то накинется в порыве страсти.

Леарит смеется.

– Ничего, я девочка большая, отобьюсь. В конце концов,

укроюсь под световым щитом.

– В том-то и дело, – говорит Эгорд тише. – Жалко беднягу.

– Ну ты прям само милосердие, – ворчит Тиморис, пустив саблю в полет. – Меня б так пожалел.

– А ты, раз такой злой, лучше бы тренировался кидать огненные шары, – говорит Эгорд. – Саблю и так умеешь.

– Любишь давать советы, Ямор тебя...

– Ты заразился от Хафала скверным характером, – говорит Эгорд серьезно. – Где твоя веселость, дружище? Она выручала нас больше, чем меч или целебное заклинание. За нее тебя, можно сказать, и держим.

Тиморис расхохотался.

– Хоть какой-то от меня прок, спасибо на добром слове!

Отвесил Эгорду шутовской поклон, но подошва резко уплыла на ошметке гриба, задница ударилась о камни.

Эгорд успел накрыть ладонью «окольцо», по ту сторону которого уши Леарит, прежде, чем пещеру пронзил матерный вопль.

– Мастер поднять настроение, – говорит Эгорд. – Даже здоровьем готов ради улыбки друзей пожертвовать.

– Да, я такой, – процедил сквозь зубы Тиморис.

Шипит, зажмурившись. Пробует встать, но боль переключилась, губы в трубочку, выпускают стон порциями.

Крик Жеи, птица хлопает крыльями над Тиморисом, на него – дождь целебных обезболивающих искр.

– Спасибо, милая! – стонет Тиморис, на сей раз блажен-

но. – Ты моя спасительница.

Жея кричит довольно, протягивает Тиморису пышный хвост.

Тот схватился как матрос за канат, крылья сделали мощный мах, Жею с Тиморисом сместило резко вверх, Тиморис приземлился на сапоги.

– Что б я без тебя делал! Лучшая подруга среди этой своры неблагодарных личностей.

Жея уселась ему на плечо, воркует, Тиморис гладит двумя пальцами пушистую грудку.

Эгорд смеется.

– Леарит будет рыдать, Жея променяла на какого-то бабника. Даже птиц, и тех соблазняет.

Жея с плеча Тимориса сорвалась, крича, летит к выходу, наверное, утешить хозяйку.

Тиморис глядит птице вслед.

– Интриган ты, Эгорд, и провокатор.

Отправились назад к ручью.

– Не реагируй на его нападки, – советует Эгорд. – Хотя бы не на все. Нервов не напасешься. Я бы с ума сошел, если бы всерьез отвечал на его угрозы, подколки и прочие дурости.

– Тебе легко, у тебя дочь не пропадала, – отвечает Тиморис. – А этот гад, наверняка, причастен...

– Найдем. Тем быстрее, чем реже будем отвлекаться на разногласия.

Эгорд и Тиморис вернулись к ручью, радостный возглас

Жеи, Тиморис и демон пересеклись злыми взорами, но смолчали.

Снова в путь.

Спуск по тесным извилистым пещерам тускло освещен растениями, в сумраке порхают насекомые, летучие мыши.

В конце пещеры – провал. Из его стен торчат выступы. Эгорд и Леарит спрыгивают с одного на другой, Леарит смягчает прыжки подушками телекинеза, а Эгорд – снежными вихрями. Хафал просто скачет с выступа на выступ, даже без трансформации.

Эгорд глянул вверх, надо помочь спуститься Тиморису.

Но тот вытащил из сумки веревку, рукоять сабли вбила в трещину металлический штырь, Тиморис веревку дернул, крепко ли держится. Сиганул в пропасть, бежит по стене отвесно, шаги как у страуса, обогнал всех, уже внизу, до дна несколько метров, остальные не допрыгали еще и до середины.

Хафал чиркнул по веревке жалом, Тиморис упал на булыжники ничком. Ржание демона гуляет эхом, Тиморис вскочил, смотрит вверх сердито.

– Ой! – сказал демон. – Думал, пещерный глист висит, дай, думаю, убью паразита...

Тиморис подобрал обрезок веревки, широкие шаги скрыли его во мраке.

Спустились все.

Тут очередная система пещер, как черный осьминог. Ти-

мориса нет, придется искать стрекозам...

К счастью, нашли быстро. Эгорд велел всем ждать, а сам отправился следом.

Тиморис – в тупике пещеры, за гигантским муравейником. Свет беден, самый яркий источник – в земляной стене, в нише размером с тумбочку. В нише – мягкий радужный свет от цветка удивительной красоты.

За спиной Тимориса по земляному колпаку ползут цепочки муравьев величиной с мышей, брюшки блестят в лучах цветка, такое полчище может обглодать заживо, но Тиморису не до того.

– Красотища! – прошептал на выдохе. – Подарить бы леди Кисанне двенадцать лет назад, сразу бы подол задрала...

Цветок огромен, лепестки изогнуты как натянутые луки, под кожицей мерцают, переливаются пестрые соки, из центра торчат колосья желто-зеленых тычинок, каждая прогибается под тяжестью шарика на конце, внутри шариков – ройчики энергии. Вокруг цветка желто-зеленая мерцающая пыльца танцует красивыми потоками.

Пыльца долетает до ноздрей Тимориса, он закрыл глаза, вдыхает, рожа счастливая, кажется, уши вот-вот затрепещут как крылышки.

Выдох с блаженным стоном.

– Божественно! Сорву для Велиры. Может, перестанет на меня злиться.

Тиморис тянет лапу к цветку.

Эгорд рванулся вперед, под сапогом хруст муравьиной скорлупы, рука бросилась к Тиморису.

Лопатки, плечи и ворот Тимориса окутал розовый флер, Эгорд сжал кулак, дернул руку на себя, Тимориса резко швырнуло назад, его рука, уже до локтя в нише с цветком, покинула ее мгновенно. По краям ниши успели с лязгом вырасти зубы, челюсти сомкнулись с громким щелчком, Тиморис упал под ноги Эгорду с криком, кисть прижата к животу, воин согнут пополам, поскуливает.

Эгорд помог встать.

Тиморисова кисть в крови, у среднего пальца нет фаланги.

– Твою бесятину!

Воин поднял перепуганный взгляд на то, что чуть не лишило предплечья.

Тварь разомкнула челюсти чуть-чуть, за ними хлопает, клокочет, извивается, поблескивает во мраке, челюсти лениво пережевывают.

– Что за гадость?!

– Рукоед, – ответил Эгорд.

Поднять Тимориса не вышло, его задница будто стала чужунной, окровавленная рука дрожит. Эгорд опустил на колено, держит кисть друга в осторожных тисках, накладывает на покалеченный палец медовую паутинку кровоостанавливающего заклинания.

– Рукоед?! – просипел Тиморис.

– Рукоед, ногоед, головоед... Зависит от трагических слу-

чаев в той или иной местности. В одних землях назвали «пожирателем принцесс». Девочки, как правило, и клевали на такую приманку. Не знал, что ты в душе принцесса.

Взгляд Эгорда собран на объекте лечения. Так-с, теперь слой магии против боли. Далее – обеззараживание.

– Палец! – ноет Тиморис. – Чем теперь красоток щупать, а?

– А остальные девять на что? Не ной, сейчас отведу к Лерит, палец будет как новенький. На то магия и светлая.

Эгорд поднял Тимориса на ноги. Обрубок пальца укутан в кокон мягкого, но плотного света, пальца почти не видно, одни контуры.

Пасть рукоеда уже отчавкала, челюсти раскрылись. Внутри цветок, невредимый, только не сияет, лепестки сложены в столбик, как у обычных цветов ночью. Зубы втянулись в земляные десны, теперь это снова ниша, ничего не напоминает о монстре. Цветок распускается, стены ниши наливаются сиянием, в воздухе затанцевали фонарики пыльцы.

Будто ничего не было.

– Бесятина! – возмутился Тиморис. – Я думал, цветочку конец.

– Рукоед его бережет. Кто будет дураков приманивать?

– Спасибо на добром слове.

Эгорд усмехнулся.

– У меня хороший учитель добрых слов.

– Угу. Хафал. И моя дочка.

– Пропавший я человек, не то что ты. Тебя хоть сейчас в Светлый Орден.

Эгорд тянет Тимориса за собой, прочь из муравьиного логова, Тиморис ковыляет, то и дело оглядывается.

– И чего эта тварь здесь забыла? Людей, готов спорить, тут не было отродясь.

– Гигантские насекомые, на цветок за нектаром.

– Развелось тварей!

– Цветок называется разочар. Раньше цветы и зубастые пасти были порознь, но потом вступили в сотрудничество. Рукоед дает цветку защиту от дождей, солнца, камней, от таких, как ты. А разочар служит рукоеду приманкой. И защищает от магии.

– Как?

– Сок разочара обладает уникальным свойством – на него не действует магия. Ни светлая, ни темная, ни какая-либо еще. Разочар ценится в алхимии, компонент зелий против магии. Для защиты от заклинаний, снятия чар и прочего. Цветок нейтрализует любую магию рядом с собой. Убить рукоеда – целое ремесло. Челюсти режут сталь как масло, а выцепить цветок раньше, чем пасть захлопнется, невозможно. Рукоед быстрее. Охотники на рукоедов делают солидные деньги продажей цветков.

– Ты явно путешествовал больше меня. Я о таких тварях и цветочках даже не слышал. А может, слышал, да из башки вылетело...

Эгорд и Тиморис вернулись к остальным, Леарит осчастливила воина, вырастив ему палец, и отряд продолжил спуск.

Пещеры сменяют одна другую, иногда приходится протискиваться. Кругом сумрак. Растения, грибы и насекомые вместо фонарей, наполняют воздух красками, как на дне моря.

Эгорд повел спутников так, что сделали крюк, хотя сами не ведают. Надо посетить секретное место, о нем знает только он. Всего тайников три, но путь проходит вблизи лишь одного, и проверить не помешает.

Привал.

Тимориса вновь нужно лечить. Воин укололся о куст хахактуса, его яд вызывает приступы смеха, такие, что можно дохохотаться до грыжи. Леарит взялась лечить, Тиморис покрылся зеленой сыпью. Хафал держит, с удовольствием угощая тумачами, чтоб не дергался. Тот умиряется с трудом, смех как брызги фонтана, но демон не возражает – повод дать в рожу снова.

Эгорд, не привлекая внимания, удалился в пещерку, вход в нее замаскирован мороком. Воин-маг дотронулся до стены, ее кусок, узнав хозяина, превратился в лед, растрескался до белизны, с глухим перезвоном рассыпался.

По шуршащей насыпи белых градин Эгорд входит в пещеру, гряда льдинок за спиной опять собирается в ледяную стену, превращается в камень.

Эгорд улыбается, озирает свое творение.

– Привет, мои хорошие.

Здесь кружат стрекозы из зеленого льда. Рой стрекоз. Неспешная воронка, от трепета ледяных крылышек звон, словно льются бриллианты. Стрекозы мерцают, то появляясь, то исчезая, их чары невидимости работают в полсилы. Стены в норках, как в муравейнике, стрекозы то и дело к норкам подлетают, ныряют в них уже незримыми, а вылетев в другие пещеры, разлетаются по жилам подземелья невидимой кровью.

Эгорд идет к центру пещерки, стрекозы уступают дорогу, обтекают, сливаясь в кокон.

Остановился перед круглым ледяным алтарем, где покоится и производит новых стрекоз его гордость.

Матка!

Восемь крыльев-кинжалов волнуются, между ними сияет золотой слиточек глаза, Око Асимиры, под ним шевелятся жвалы. Лапок не счесть, как у гусеницы, вгрызаются в ледяной насест. Сзади этот трон украшает веер ледяных кольев. Из брюшка размером с перезрелый кабачок в нишу насеста выпадают зеленые, как малахиты, ледяные яйца. Их целая горка.

Из яиц вылупляются горбатые зеленые личинки. Гребешки жвал прокапывают в насесте норки, некоторые гусеницы ползут по норкам предшественниц, ходы зарастают льдом, гусеницы падают в полость ледяного алтаря, там парит и крутится вокруг своей оси огромный кристалл наядита. Его пе-

реполняет энергия, молнии пляшут не только внутри, но и снаружи.

Личинки заползают на кристалл, облепили со всех сторон, грызут, увеличиваются. Превращаются в коконы. Те начинают тоже испускать крошечные молнии.

Затем какой-нибудь кокон звонко лопается в ледяную пыль, и вот – в пронизанном энергией воздухе трепещет крыльями новорожденная стрекоза. Новые вылетают через отверстия в алтаре, вливаются в воронку им подобных, хоро-вод приводит их к гранитным стенам, и они исчезают в норах – исполнять свою миссию.

Наблюдать.

А матка все рожает яйца, получая энергию наядита по каналам, которые соединены с лапками.

– Красавица, – шепчет Эгорд. – Похоже, ты сбилась с оптимального ритма, шестнадцать яиц в минуту, а раньше было восемнадцать. Сейчас подправим, милая...

Когда Эгорд закончил вносить улучшения и покинул пещеру, Леарит уже вылечила Тимориса, отпаивает зельями. Хафал в стороне, довольный. Тиморис, сидя на камне, покачивается, волосы клочьями.

Плавающий взгляд с трудом сосредоточился на Эгорде.

– Дружище, а че со мной было?

– Было весело. Тем, кто укололся об иголки хахактуса, всегда весело. Иногда так, что в трясучке расшибают о камень голову или срываются в пропасть. Тебе повезло.

Тиморис хватается за рожу, как с похмелья в попытках вспомнить, что было вчера. Кисть шарахнулась от лица прочь, воин морщится.

– У-у-уй... А че рожа так болит?

Хафал ухмыляется, о ладонь трутся костяшки кулака.

Глава 7

Путь продолжился, и Эгорд уступил ведущее звено демону – лишь Хафал знает дорогу к пещере, где пропала Велира.

Стены с каждой минутой раздвигаются. В гущи сумрака – будто не пещера, а ночь на каменистом поле.

Хорошо, что есть армия стрекоз, ими Эгорд видит не только пещеры, но и белоснежную поверхность острова, солнечный свет. В теле стрекозы Эгорд парит над крепостью, хотя на самом деле идет за Хафалом глубоко под землей.

Леарит через Око Асимиры беседует с Халлигом, показывает пещеры, иногда собирает компоненты для алхимии. Тиморис на ходу колдует что-то съестное, кормит Жею, та азартно кружит вокруг него, иногда садится на плечо.

Хафал скачет с камня на камень, валуны под ступнями хрустят, хвост пролетает над жадными ртами разломов, речушками, корнями, группа идет уже очень долго, но усталости демон не знает.

– Вот эта гребаная пещера! – прорычал он.

Спрыгнул в нишу, через три стука сердца из черной глыбы дохнуло эхо удара, камни вздрогнули.

Эгорд и Леарит спустились в общем облаке телекинеза, Тиморису помогла Жея, обувь коснулась опоры.

Впереди – силуэт Хафала на фоне яркого пейзажа.

Восхищенный ах Леарит, легкие ругательства Тимориса.

Обилие красок как на дне морском. Баррикады валунов, уступы и выступы на стенах, каменные кольца из земли и потолка, – все в шубах растений. Стебли пульсируют как мышцы, по нежным трубкам и сеточкам текут радужные соки, в них мерцают пузырьки химических реакций, от избытка жизни тепло и влажно.

Насекомые и рептилии ползают по листьям, выюнам, цветам, грибницам, моховым шапкам. Флора для них – дом и пища. Крупные сами по себе, мелочь суетится живыми цепочками, сетками, порой копошатся плотные зыбкие клубки, их размеры внушают. Воздух гудит, животные как одна текучая масса.

– Вот же Яморова туча! – выдал Тиморис.

– Трудно поверить, – говорит Эгорд, – что все уживаются на такой маленькой территории.

Леарит усмехнулась.

– Маленькой?

Эгорд кивнул.

– Для такой толпы здесь тесно.

– Вот тут все и случилось, – сказал демон сердито.

Встал как статуя, только хвост шевелится.

Остальные поравнялись с его могучими плечами перед круглой площадкой, где растений почти нет. Лишь почерневшие, скрюченные, засохшие. А букашки и ящерицы замерли лапками кверху, черные как угольки, некоторые раздавлены в оладья.

В центре площадки – давно погасший костер, следы жестокой битвы. Опаленные рытвины от огненных шаров, слизи застывшей лавы, ямки после кислотных брызг, лапы разрушенных големов.

– Темный Орден, – сказала Леарит.

Эгорд вздохнул.

– Похоже.

– Тут резаные и рубленые борозды, – говорит Тиморис. – По форме как от сабель Велиры. Вон камни разрублены, срезы ровные как зеркала.

– Тоже мне, открытие! – проворчал демон. – Она ж не полная дура, чтобы сдать себя без боя.

Все пошли к кострищу, под подошвами хрустят скорлупки жуков, Тиморис озирается, высматривает врагов, Эгорд уже призвал своих незримых стрекоз, глаза смотрят в спину Хафала, но вместе с этим видят пещеру с разных ракурсов, заглядывают в щели...

Все встали, перед ними кольцо камней с черной кашей угля и золы внутри, Хафал обводит жалом участки земли вокруг.

– Вот пятна крови. Тут мусор, но разглядеть сможете, не слепые. А вот эти...

Жало поочередно указывает на пятнышки.

– ...принадлежат Велире. Цепочка крови уходит дальше. Хафал махнул рукой вперед.

Тиморис присел на корточки, сабля разгребла мусор, во-

ин всматривается в пятно. Леарит подошла, разгребла мусор носком сапога, смотрит под ноги.

Эгорд с места не сдвинулся. Никто не знает, что он смотрит ближе всех, ему показывает пятно невидимая ледяная стрекоза, ее глаз почти касается краев засохшей бордовой корочки.

Стрекозы дают обзор всех пятен крови, Эгорд исследует уходящую вдаль цепочку капель.

– А ты что застыл, дубина ледяная?! – рычит на Эгорда демон. – Что, не интересно?!

Эгорд вышел из транса, взгляд сосредоточился на глазах Хафала.

– Вражеская кровь сомнений не вызывает, Велира и впрямь билась яростно, ранила тех, кто ее пленил. Но ее кровь... разбрызгана как-то странно. Аккуратно.

Тиморис вздернул голову, пристальный взгляд на Эгорда. Поднимается в развороте к Хафалу.

– А может, это чучело и разбрызгало?

Покручивая саблей, приближается к демону. Демон повернулся к нему, жвалы раскрылись, хвост нацелился жалить.

Крик Жеи, головы повернулись на звук. Птица высоко, над крутым, почти отвесным склоном машет крыльями, стряхивает насекомых, те облепили живыми сетями, видимо, Жея случайно задела крылом копошащийся на стене клубок насекомых.

Но Жея, к счастью, не сахарная пташка для клеток, насекомые вспыхнули пламенем от ее лучей, с каждым взмахом крыльев с птицы слетают бутоны огненных шариков.

Эгорд осматривает живую массу тварей по всей пещере.

– Они должны были съесть мертвых сородичей.

– Что? – не расслышала Леарит.

– Многие из них поедают мертвых, – говорит он громче. –

А судя по количеству животных в этой пещере, за каждую съедобную крошку должна быть борьба. Но на площадке, где был бой, тварей почти нет.

Леарит смотрит на край площадки.

– И правда... Вот там, выше, копошатся, а чуть ниже – пусто, хотя мертвых насекомых полно.

Четверка идет по цепочке крови, ведет Хафал, Тиморис замыкает.

– Смотри за тылами, мало ли, странно все это, – сказал Эгорд.

А сам с Леарит пошел между Тиморисом и Хафалом, на самом деле, чтобы горе-отец и демон вновь не сцепились.

Пещера, сужаясь, ведет вниз, гладкий каменный язык быстро превращается в хаос, приходится прыгать с камня на камень, Эгорд и Леарит держатся за руки. В мелких пропастьях притаились хищные растения, их пасти плюют ядовитыми иглами, но те разбиваются о доспехи, в ауре Эгорда превратившись в сосульки. За ступнями воина-мага намораживаются белые шершавые мостики с перилами шипов, от

них валит мороз, по мостикам перебегают Тиморис, растения стреляют и в него, но иглы вонзаются в лед.

Самое смешное, даже на этих камнях, где и здоровый человек передвигается криво, вереница кровавых капель ровная. Будто Велира следила, чтобы ее кровь капала прямыми полосками.

Наконец, место, где опять море крови, черной как смола, камни измазаны как пирожные глазурью.

– Здесь она вновь сразилась, – говорит Хафал. – А дальше цепочка крови растворяется, пытался пройти, но потерял...

– Эй, а здесь след! – воскликнул Тиморис.

Он присел, сабля на плече, разглядывает черную молнию трещины в стене, туда можно пролезть разве что боком.

Все перепрыгнули на камень Тимориса.

Хафал чешет жалом в затылке.

– Вот Ямор, в прошлый раз не заметил!

– Да ты вообще дубина, чего удивляться, – проворчал Тиморис, глядя во мрак трещины.

Кровавый след уходит вглубь.

– Но как Велира побежала двумя дорогами сразу? – спросила Леарит.

Жея, усевшись ей на плечо, поддержала тихим воркованием, повернув головку набок.

Эгорд мысленно подозвал ближайших стрекоз, те зависли над ним, смотрят в разлом, их глазами воин-маг видит в объеме.

– Даже младенцу ясно, нас водят за...

– Тшш! – перебил Тиморис.

– Что? – шепнула Леарит.

– Кажется, слышал...

Он сгорбился, указательный палец приподнял, с выпученными глазами воин вслушивается.

– Помогите...

Голос Велиры!

Эгорд и Леарит переглянулись.

– Дочка! – крикнул Тиморис.

Метнулся к трещине, с ним в прыжке поравнялся демон, чуть не убили друг друга в попытке втиснуться, Тиморис проскользнул первый, Хафал, гневно рыча, за ним, хвост исчез во тьме.

– Стойте! – крикнул Эгорд.

Послал стрекоз за убежавшими.

– Ждите здесь.

Эгорд бросился к трещине, узкий проход с неохотой впустил его в более-менее свободный коридор, вдалеке исчезли за поворотом фигурки Хафала и Тимориса. Воин-маг рванул за ними, но уже видит их спины вблизи – через стрекоз.

– Папа, спаси!

– Сейчас, дочка!

Эгорд споткнулся, ноги удержали.

– Стойте же!

Стрекозы показали, что Тиморис и Хафал свернули в

длинную пещеру. В ее конце – просторная полость, завалена камнями, среди валунов на земле раскинута Велира, не двигается, словно без сознания.

Тиморис и Хафал замедлились, Эгорд свернул в ту же пещеру, увидел Хафала и Тимориса своими глазами, а из-за их спин – тело Велиры.

– На помощь, – простонала Велира.

Незримые стрекозы уже приближаются к девушке, Эгорд заметил, что, когда она подала голос, на ней не колыхнулся ни один блик, будто мертва.

Тиморис метнулся к ней, Хафал тоже.

– Держись, дочка!

– Здесь мы, дура! Не ори как сумасшедшая!

Эгорд выбросил вперед руку.

– Назад!

Тело Велиры взорвалось, под страшный грохот пламя вырвалось в каменное горло пещеры, стрекозы погибли, огненный червь поглотил Тимориса и Хафала, дополз до середины коридора, из «пасти» червя вылетела с кувырком туша демона и световая сфера, внутри нее Тиморис. Эгорд держит руку вытянутой, подзаряжает сферу, та упала мягко, катится как по льду. Через нее перелетел Хафал, свернутый в хитиновый клубок, прокатился по туннелю с прыжками, Эгорд увернулся, у поворота шар взмыл по торцевой стене, описал в воздухе кольцо, перелетел Эгорда, и уже на ноги с грохотом приземлился Хафал.

Пламя нырнуло назад, в конец пещеры. Эгорд щелкнул пальцами, световой пузырь лопнул, в центре роя из солнечных искр скорчился на четвереньках Тиморис, минувшая карусель вывернула его наизнанку, он кашляет, вытирает рот.

– Какого беса?!

Эгорд к нему подошел, помогает встать.

– Ловушка.

Подбежал демон, злой донельзя.

– А что с этой дурой?!

– Сгорела! – ужаснулся Тиморис.

– Вряд ли была она, – сказал Эгорд.

Идет в конец пещеры мимо горящих кусков растений, раскаленные камни мерцают, от обугленных тушек животных отрываются лепесточки пепла, дышать приходится дымом. Тиморис и Хафал бредут следом, воин прихрамывает, его донимает кашель, перед носом машет ладонь, хвост демона с гулким стуком вымещает злость на стенах.

У тупика Эгорд оглядывается, тут горит все, что может гореть, от огня светло, не горят лишь куски взорвавшегося тела. Кожа на кусках красная, пальцы с когтями, лысая голова с острыми ушами и огромной зубастой пастью, разбросаны обломки шипов и рогов.

Не горит, как известно, только плоть демона.

Хафал пнул голову сородича, та разбилась о стену на куски.

– Р-р-р! Купились как дети!

Тиморис вздохнул.

– Плохо быть дураками.

Эгорд развернулся.

– Идемте.

Но не успел сделать и шаг, из пелены дыма вылетела Леарит, врезалась в него, тихий крик, оба сжали друг друга. Лицо девушки напуганное.

– Леарит, что случилось?

– Это у тебя хочу спросить.

Из дыма с криком вылетела Жея, перед спиной хозяйки успела затормозить, дым от хлопков крыльев чуть рассеялся.

– Я же велел ждать снаружи, – сказал Эгорд.

– Был взрыв. Думала, нужна помощь, – ответила Леарит с дрожью в голосе, ее почти удалось скрыть. – Ты в порядке?

Эгорд поцеловал ее ладонь.

– Все хорошо, милая. Нас слегка одурачили.

– Нас? – возмущается Хафал. – Да это он первый побежал к ловушке.

Тычет когтем в Тимориса.

– Я?! – вспыхнул Тиморис. – Да это ты первый, я просто орал громче!

Идут обратно. Впереди медленно летит Жея, вокруг нее ореол света, похожа на золотой шар. За ней Эгорд и Леарит, воин-маг обнимает за талию, рассказывает, что случилось, вокруг него ледяная аура превращает дым в лед, тот осыпается. Позади Хафал и Тиморис выясняют, кто виноват, каж-

дый доказывает, что знал с самого начала, что это ловушка, а бежал так, за компанию, не торчать же на месте.

На выходе из пещеры Тиморис и Хафал уже готовы были броситься друг на друга, но между ними пролетела Жея, Хафал в гневе кинулся из пещеры за ней, Тиморис устало вышел последним.

От шума насекомых хочется заткнуть уши, мелькают всюду, Эгорд морщит лицо.

Ладонь поймала плечо гонящегося за Жеей Хафала.

– Эй, а этот ложный след был, когда ты искал Велиру в первый раз?

Хафал сердито сбросил кисть Эгорда.

– Не помню...

Морда повернулась к Эгорду.

– Вспомнил! Не было.

– Значит, тут поработали уже после тебя.

– Грязные козни – оружие людей, – сказал Тиморис. – И демонов.

– Гр-р-р!

Между ними возникла Леарит, свет вокруг нее мягко отталкивает недругов в разные стороны.

– По крайней мере, там, – ткнула большим пальцем через плечо, в разлом, откуда плывет дым, – взорвалась не Велира. Есть шанс, что настоящая жива.

Во главе с Хафалом продолжили идти.

У развилки много мелких пещер, все вниз, от каждой веет

могилой. И самое дурацкое, кровавый след тоже разветвился – на три цепочки. Хафал свернул в самую темную пещеру.

– Уверен, что сюда? – спросил Эгорд.

– След крови здесь я уже видел. А те два – нет.

Растений мало, их свет скупой. Хотя полно насекомых, но все, как назло, не светятся или светятся слабо. Стрекохут так, что шкурой чувствуется – их тут как грязи!

– Темно как в заднице Ямора! – проворчал Тиморис.

Хафал усмехнулся.

– А что, бывал?

– Почти. И не один, а за компанию с этим чудом природы.

Тиморис хлопнул по наплечнику Эгорда, хрустнула ледяная корочка.

– Стойте, – сказал воин-маг.

Группа встала.

Эгорд присел на колени, роется в магической безразмерной сумке, спутники скапливаются вокруг.

Воин-маг извлек из сумки баночку из прозрачного льда с налетом изморози, от нее дымка холода, внутри светится синяя жидкость, плавает... огромный глаз рептилии.

Живой.

Резко вертится, то к Эгорду, то к Хафалу, полоска зрачка воткнула взор в Леарит, та тихо вскрикнула.

Глаз зыркнул на Тимориса.

– Еп!... – вырвалось у того, кисть дернулась к рукоятке сабли.

– Спокойно.

Эгорд гладит баночку заботливо, иней осыпается, глаз задергался яростнее.

– Жаль, нет рядом Халлига, умеет видеть ловушки. Но если чего-то не умеешь, носи артефакт, который умеет.

Кулак баночку сжал, та лопнула, осколки и сияющая вода закрутились вокруг глаза, и он пустился в полет, Тиморис и Леарит отпрыгнули с его пути в разные стороны.

Глаз начал метаться по пещере, за ним синий пылающий хвост из осколков ледяного стекла, в воздухе горит ломаная линия полета, этой остроугольной паутиной уже исчерчена вся полость пещеры, взгляд летучего ока со спешным гневом колет каждый камень, даже слышно рычание. Хотя чем рычит – бес знает...

Глаз чуть не столкнулся с Жеей, зло осмотрел со всех сторон, Жея попробовала поймать, но клюв сомкнулся на пустоте, птица крикнула недовольно.

В придирчивых метаниях глаз улетел в пещеру, откуда Эгорд и его спутники пришли.

– О боги! – ужаснулась Леарит.

Вдоль пещеры – ловушки, помеченные магией глаза-ищейки, пылают синим шелковым пламенем. Ловушек как грибов в сыром погребе, цепочки следов только что прошедшей здесь группы выются между колдовскими капканами, не задевая совсем чуть-чуть...

Тиморис хохотнул с ноткой истерики.

– Дуракам везет.

Перед носками его сапог – тоже ловушка. До появления глаза Тиморис хотел сделать сюда шаг. Если бы Эгорд не крикнул «стойте»...

Из дальнего полета вернулся глаз, злая синяя комета пронеслась между четверкой, Жее опять не удалось поймать, глаз унесся в ту часть пещеры, куда компания держит путь.

Эгорд следит за рывками глаза, ловушки вспыхивают одна за другой...

Леарит накрыла глаза ладонью, качает головой.

– А я тоже хороша... Знала же, что иду не на прогулку. Ведь умею находить ловушки, надо было сразу сплести чары.

Эгорд ее обнял, нежно прижимает к себе.

– А меньше думай о своем ледяном кобеле! – сказал демон.

– Не болтай, а топай вперед, – говорит Тиморис. – Нарвешься на ловушку, тебя хоть не жалко.

– Щас сам полетишь вперед с моей подачи!

В итоге вперед полетела Жея, ей не терпится поймать глаз. Птица разрывается между желаниями догнать глаз и быть с хозяйкой, мечется то вперед, то назад, кричит, словно недовольна, что бескрылые спутники такие черепахи.

Узкий выход из пещеры облеплен ловушками по всему кольцу, приходит прыгать, не касаясь краев, будто цирковые тигры через горящий обруч.

Оказались в просторной круглой пещере, на склоне светло

от растений, шумят насекомые.

У подножия склона – фигура в черных одеждах, ткань украшена серебристыми узорами пауков и змей, маг в позе хищника, рука полусогнута как звериная лапа, из кулака сквозь щели между пальцами просвечивает синее пламя. Глаз-ищайка пытается вырваться, пульсирует как бешеное сердце.

Маг сжал кулак, и синее пламя сменилось тучкой пепла, она течет вдоль рукава к плечу, впитываясь в руку.

К четверке резко повернулось худое лицо, его черты как заточенные лезвия.

На склоне толпа ловушек. Одна совсем рядом с магом, еще маленькая, растет, над ней появляются и исчезают магические знаки Темной Книги.

Рука Эгорда быстро обросла льдом, кулак ударил в сторону мага, лед сорвался на врага летучим снарядом. Маг превратился в облако пепла, мгновенно сместился вбок, облако вновь стало человеком.

Маг швырнул в ответ сгусток лавы, сочный оранжевый ком разбился о световой щит, который наложила Леарит.

– Ах ты, говнюк! – рыкнул Хафал.

Скрутил хвостом камень, гранитный арбуз полетел в мага, тому снова пришлось стать пеплом и воплотиться в другом месте.

Леарит пронзила пещеру лучом света, но маг успел исчезнуть за каменной глыбой.

Первой пустилась в погоню Жея, за ней Тиморис, в его руках уже сверкают сабли.

Следом рванул демон.

– Наложил магических куч, засранец!

– А мы тут скачем на цыпочках как феи! – добавил Тиморис.

Эгорд бросился в погоню, Леарит бежит рядом, перепрыгивают ловушки, Леарит заряжает его силой света, а он подпитывает ее ледяной магией, движутся в общем коконе энергии.

Свернули за каменную глыбу, где скрылся беглец.

Маг на другом склоне, но там тупик. Эгорд застал мага в момент, когда Тиморис швырнул вдогонку саблю, та вошла в ногу, маг вскрикнул, растянулся на склоне. Саблю из ноги выдернул, но его настиг Хафал.

– Вонючая крррыса!

Мага подняла над землей огромная клешня.

– Сожррру!

Хитиновые клещи сжимают туловище мага под мышками. Ноги беспомощно дергаются, с раненой бежит кровь.

Хафал смотрит на мага снизу вверх, жвалы раздвинуты, хвост извивается дико.

Испуг на лице пленника сменился злорадством.

– Та, кого ищите... корчится от боли!

К Хафалу подбежал Тиморис, окровавленная сабля снова в кулаке, оба стальных клюва уперлись магу между ног.

– Сейчас сам будешь корчиться, мразь!

Демон сдавил клешней сильнее. Маг стонет, бока сутаны мокнут от ручьев крови, напротив лба зависло жало.

– Говори, где она!

Маг, морщась, хрипит:

– Внизу... Глубоко... Пока доберетесь, хозяйка замучает ее до смерти!

Маг превратился в пепел, туча утекает из клешни кривой стрелой к разлому в стене. Эгорд швырнул снежный снаряд, трещина заросла льдом, но остался незакрытым краешек, егохватило, чтобы пепел утек в гранит.

Демон сплюнул.

– Темный слизняк!

Хвост стряхнул с жала на камень избыток яда, зашипело как в гнезде гадюк. Шапка кислотного дыма уплывает вверх, от камня будто откусил огр.

– Если эти твари что-то сделают с Велирой, – угрожает Тиморис, – я их всех...

– Тшш! – оборвал Эгорд.

Все замерли. Вслушиваются...

В пещере тихо.

– В чем дело? – шепнула Леарит.

– Слышите? – спросил Эгорд осторожно.

Долгая пауза.

– Ниче не слышим, – буркнул Тиморис, в мыслях, наверное, рубит похитителей дочери. – Тихо как в склепе.

– Вот именно. Насекомые замолкли.

Глава 8

Четверо озираются.

Копошение и стрекот прекратились, будто вся живность исчезла.

Но она здесь.

Живые создания – на камнях, стенах, сталактитах, выступах, – на всей поверхности пещеры замерли, словно оледенели. Каждая тварь смотрит на четверку. Головы ящериц повернуты на гибких шеях, насекомые устали на людей как стрелки компасов в центр Земли. Жужжат крылья, летучие твари в воздухе тоже замерли, глазают на пришельцев.

И вдруг...

Леарит сдавленно вскрикнула.

– Спина к спине! – скомандовал Эгорд.

Четверо сжались в кольцо, сабли Тимориса лязгнули друг о друга, выбросив искры, Хафал зарычал, клешни защелкали будто капканы, хвост пустился в свистящий танец.

Пещера озарилась красными огоньками, их больше, чем звезд в ясную ночь. Сотни тысяч бусинок мерцают, словно пещера взмокла кровавой росой.

Глаза.

– Насекомые зачарованы! – сказал Эгорд.

Его руки уже в ледяной ауре, там из магических печатей с треском вылупляются мощные заклинания.

– Жея, ко мне! – крикнула Леарит.

Птица отозвалась сверху высоким клекотом, Эгорд ощутил, как нагрелась кожа от резко приблизившихся лучей. Воин-маг коснулся Леарит взглядом, та уже держит сверкающий двуручный меч, о Жее напомнили только золотые искорки с клинка.

Толпа красных глазок пришла в движение, взрыв стрекота, твари потекли к четверке кольцевыми волнами, багровое сияние сгущается, глаз так много, будто на четверку хлынула магма.

Волна с хоровым пискom обрушивается на незваных гостей.

Эгорд выбросил навстречу руки. Сгустки ледяной силы в каждом кулаке распустились пышным замораживающим буртоном, насекомые превращаются в ледышки, воин-маг под градом ледяных камней в форме жуков, мокриц, ящериц, крыс, летучих мышей...

Твари сгорают в лучах светового щита Леарит, сила света течет из ее рук по рукояти и клинку, заряжает щит.

Тимориса Эгорд тоже спрятал в световой пузырь, воин согнулся как зверь, закрылся саблями, ему остается лишь смотреть, как щит сжигает насекомых.

Труднее всех Хафалу.

Дерется бешено, но стряхивать и давить удается только стайки, а его облепляют полчища. В кишачих потоках мелюзги демон похож на грязевого голема. Клешни и хвост для

такой борьбы не годятся, все равно что охотиться с топором на комаров. Впрочем, мелочь тоже не может прокусить прочные пластины. Эгорд накрыл бы световым щитом, но это причинит Хафалу куда больше вреда. Светлая магия для демонов губительна, Хафал просто сгорит.

– Выглядишь как кусок дерьма! – крикнул Тиморис, прикрываясь локтями.

Сквозь его щит пролетает огненный дождь, останки горящих тварей разбиваются о клинки и доспехи в мерцающую золу.

– На себя посмотри, чучело сра...

Хафалу в пасть залез кляп из насекомых, демон с рвотным звуком выплевывает.

Весь в живых гроздьях, с яростным рыком прыгнул высоко, брюхо повернулось к земле, руки и ноги в стороны. Грохнулся о землю передней поверхностью тела, всех паразитов на «фасаде» всмятку.

Хафал вскочил, с него схлынула волна мясной каши, но гору мышц в хитине штурмуют новые кровожадины.

– Да сколько же их?! – крикнула Леарит.

– Меньше не становится, – сказал Эгорд.

Руки вытянуты вперед и вверх, воздух перед ним синий, оледеневших тварей уже по колено, продолжают сыпаться, Эгорд подставил граду шлем, льдинки барабанят по металлу неприятно.

Живой ливень все плотнее, красных глаз море, от них в

пещере красно как в жерле вулкана.

Чуть не смела новая волна тварей, гнев и паника в крике Леарит. Она держит меч, свободная рука прикрывает лицо, дождь горящих жуков пробивает щит, и лишь чары исцеления, которыми пропитаны доспехи, не дают коже истлеть.

Щит Тимориса весь в дырах, по воину уже ползают, кожа в укусах. Сабли воткнуты в землю, меж ладоней закручивается огненный шар.

– Тиморис, нет! – кричит Эгорд. – Взорвешься!

Шар растет, гудит как шторм, зубцами пламени вращение отрубает тварям лапы и крылья.

– Хафал! – крикнул воин.

Демон обрушил захваченную мелюзгой клешню на землю, треск и хлоп, будто разбили корзину с куриными яйцами, Хафал повернул голову к Тиморису, горят зеленью глаза, полные бешенства.

– Ты весь в дерьме! – кричит Тиморис. – Помыться бы! Кусочек мыла хочешь?

Хвост скрутил огненное ядро, твари на хвосте сгорают, Хафал со всей тяжестью налипших на него насекомых, гадов и прочих прыгнул навстречу еще одной волне, хвост прислонил огненный шар к животу, и демон сам свернулся в шар, исчез в клокочущей туче.

Взрыв!

Волна огня пошатнула Эгорда, Тиморис упал, зато кокон тварей с него сдуло.

Цветок взрыва выплюнул Хафала, тот пролетел по дуге бурым пластинчатым валуном, упал уже в развернутом виде, камни под лапами треснули.

– Вот урод! – вырвалось у Тимориса. – Его на куски должно было порвать, а на нем ни царапины!

Хафал смотрит туда, откуда недавно валила ползуче-летучая армия, сейчас там роятся оранжевые звездочки пепла.

– В царстве демонов я бы вас всех одной пяткой, клопы!

Пользуясь передышкой, Эгорд наложил на Тимориса новый щит.

Но вскоре злая фауна атаковала снова, кажется, тварей больше, чем до взрыва!

Тиморис матерится, держит сабли перед собой, капли живого ливня сгорают в щите.

– Ну и что делать железками против этой пакости?

Хафалу ничего не остается, кроме как бороться в прежнем стиле, ему не могут причинить серьезного вреда, но и он не может сделать этой орде ничего.

– Будто в желудке Ямора! – орет Тиморис. – Спорю, у него в брюхе толпа демонов разрывает пищу на равное себе число кусочков!

Леарит на миг ослабила щит, яростный крик рассек пространство вместе с двуручным мечом, клинок послал острую волну энергии, та разрубила живую тучу, но копошащийся рубец затягивается пугающе быстро.

Бывшая богиня едва успела закрыть щит, армада вреза-

лась в пленку света, пузырь с девушкой внутри сдвинулся.

Пыл разномастной саранчи слегка остудила метель, рой ледяных колючек от Эгорда расстреливает настырных созданий.

Воин-маг отступил за спины спутников.

– Сомкнитесь вокруг меня!

Тиморис и Леарит тут же переместились, получился треугольник с Эгордом в центре.

– Ямор тебя! – ругается Тиморис, глядя, как щит под натиском тварей истончается. – Ты не очень вовремя устроил обеденный перерыв!

– Совсем обнаглела, вша ледяная! – прорычал демон.

– Эгорд, поспеши! – взмолилась Леарит.

Ее щит тоже дал слабину, она вскрикнула, опустилась на колено. Клинок уперся острием в землю, лицо и веки опущены, косы трепещут от шквала сгорающих существ.

Эгорд тоже присел, роется в сумке.

– Сейчас, милая...

Извлек продолговатый кристалл.

Наядит.

В гранях отражается хаос битвы, внутри пляшут синие молнии, кристалл красуется живыми бликами при малейшем повороте. Такие камни перемалывает мельница Клессы, питая ледяную ауру острова.

Кристалл взлетел над ладонями в розовом облачке энергии, воин-маг встал с колен, ладони слева и справа от камня,

тот медленно вращается вокруг своей оси.

Эгорд держит кристалл взглядом, губы шепчут под пляску молний внутри волшебного стекла, она вводит в магический раж, шепот превращается в рычание.

Сияние щитов погасло, Леарит и Тиморис беззащитны как котята.

– Чтоб вы отравились моим мясом, твари! – прокричал Тиморис.

Леарит закрылась руками.

– Эгорд, скорее!

Заклинание утягивает воина-мага на дно транса, последнее, что видит в реальном мире, – как Хафал мелькает вокруг троицы в бешеном танце, клешни и хвост размахивают, заменяя всем щит, а глаза пылают зеленым огнем.

Крик последнего слова.

Тело Эгорда взорвалось простором и свежестью, будто плоть стала призраком.

И тут же накрыла белая слепота, слабость, показалось, что упал на колени. Хотя могут ли быть колени у призрачной субстанции?..

– Любимый, я здесь, – женский голос.

– Давай, кудесник, подъем, – говорит устало, но с радостью голос мужчины. – Нечего с такими талантами делать на небе, еще на этой грешной земле нужен.

Белизна отступает, линии размытые, обзор качается как на палубе в непогоду.

Эгорд слабо озирается.

Рожа Тимориса в царапинах, в них застряли крючки лапок и жвал, однако сияет не только кровь, но и улыбка.

Лицо Леарит. У нее царапин меньше, на коже работают чары исцеления, красные борозды растворяются, в глазах переливы желтого, розового, зеленого, голубого, серебристого...

Щеку обжег поцелуй, по телу бодрящие мурашки.

– Все хорошо, любимый. Ты справился.

Тиморис и Леарит держат Эгорда с обеих сторон, его руки перекинута через их плечи, ноги волочатся где-то сзади.

Вся пещера с тварями числом Ямор знает превратилась в лед. Из прозрачных синеватых статуэток насыпаны холмы до колен, до пояса, а то и выше головы. Силы кристалла было столько, что не только обратила в лед, но и сделала его прочным, Эгорд не замечает ни одной битой фигурки.

Между хребтами морозный туман, в воздухе парят снежинки...

Тишина.

Тиморис съежился, его зубы стучат.

– Да уж, освежил.

Пробует поставить Эгорда на ноги, Леарит помогает.

Хафал на вершине холма, ступня на спине оледеневшего пещерного зверя, хвост извивается спокойно. Ладонь подплыла к морде, жвалы раздвинулись, меж белых челюстей вырвалось облако пара, демон смотрит на кисть, покрывшу-

юся изморозью.

Перевел взгляд на Эгорда.

– Ледяной червяк! Хлебом не корми, дай чего-нибудь заморозить.

Эгорд под действием зелья приходит в себя, Тиморис и Леарит разбили лагерь прямо на ледяной насыпи.

Вместо костра – Жея. Птица дремлет, укрывшись крыльями, на ледяном щебне насекомых, на ней растут золотые лучи тепла, вокруг этого цветка сидят четверо. Эгорд и Леарит в обнимку, смотрят, как колышется на птице паровой костер, Тиморис и Хафал по другую сторону, каждый обособленно. Воин держит концом сабли мясной кусок, разогревает на пару.

Демон подбирает ледяных насекомых, они хрустят в кулаке как орехи, сквозь пальцы сыплется ледяное пшено.

– Почему в последний момент ты нас защищал? – спросил Эгорд.

– Я не защищал! – оскалился демон. – Просто боевое безумие....

– Мы были беспомощны, – говорит Эгорд. – Мог с нами расправиться.

– Гр-р-р...

Демон стиснул кулак до дрожи, льдинка внутри раскрылась. Глаза глядят куда-то в глубину, сузились, вокруг них черные веера морщин.

– Не сообразил. Пьяный был от битвы. Мы, демоны, не

шибко умные... В следующий раз обязательно прикончу.

Хвост резко скользнул по ледяному ковру в сторону Эгорда и Леарит, их окатила волна ледышек, Эгорд прикрыл руками Леарит, несколько попало в него, остальным приказал упасть или пролететь мимо.

Уж что-что, а лед слушает его как верный пес.

Хафал снова ломает ледяных насекомых, Тиморис грызет разогревшееся мясо, а Эгорд и Леарит вернулись к созерцанию спящей Жеи.

Стрекозы-шпионки сообщили Эгорду, что на поверхности уже ночь.

Группа решила устроиться на ночлег здесь же, в оледеневшей пещере. Леарит возвела вокруг костра световой шатер, под ним Эгорд, Леарит и Тиморис и заночевали. Демон остаться не пожелал, под тайным надзором стрекоз ушел в пещеру, где много живности, и там развлекается как может – крушит рельеф, охотится, делает невероятные прыжки...

Но ему, похоже, все равно скучно.

Утром трое отправились по следу похитителей Велиры, и хотя искать темных магов гораздо сложнее, чем обычных людей или даже демонов, магия оставляет следы, и если следопыт владеет магией поиска искусно, как Леарит, то поиск не зайдет в тупик.

Агрессивные и опасные животные встречаются редко. Тиморис счастлив, что рядом нет Хафала, на ходу играет с Жеей. Леарит через «околыцо» беседует с Халлигом. А Эгорд

наблюдает глазами стрекоз за Хафалом – тот идет следом, но пока не догнал – и за островом, который, пусть из снега и льда, все равно греет душу.

Стрекозы показывают Эгорду ледяную мельницу, ее крылья вращаются неспешно, на них кривые гребни сосулук.

Внутри урчит и шипит механизм, детали закованы в лед, движутся сложно и слаженно, вокруг механизма выются ленты синей энергии, жернова со звоном перемалывают.

На верхнем ярусе мельницы – Клесса в ледяном кресле, крылья покоятся в ложах у стены, а щупальца танцуют вокруг наядита, камень плавает в воздухе, молнии внутри рождают снаружи кристалла синий ореол.

У окна, рядом с лабораторным столом, призрак Камалии, ее руки вытянуты вперед, между ладонями вращается крошечный наядит. Призрак шепчет заклинание, кристалл в зыбкой оранжевой сфере – смесь расщепляющих чар и светового щита.

Камалия с Клессой нашли способ расщеплять наядиты так, что те дают вдвое больше энергии, но способ опасен, при неточном исполнении кристалл взрывается. Поэтому крупные камни Клесса расщепляет по старинке.

Внутри оранжевой сферы вспыхнуло, но за ее пределы энергия не выходит, сфера становится ровной, плотной, сила рвется наружу, но порвать пленку щита не может. Камалия легонько толкнула сферу к посоху, тот парит рядом, шар уменьшается до горошины, втягивается в октаэдр набалдаш-

ника.

Телекинезом Камалия вытянула из ледяного кубка на столе следующий кристалл, он занял место меж ладоней, его окружает апельсиновая дымка чар, Камалия шепчет...

Клесса закончил расщеплять свой кристалл, отправил в горловину механизма, тот начал перемалывать, а Клесса взял из мешка другой камень.

Камалия расщепляет камень за камнем, энергия утекает в посох, а тот, объевшись, ныряет в жернова, после чего рядом с Камалией вспыхивает новый посох, пустой и голодный.

Зрелище медитативное, Эгорд едва удержался от зевка, веки отяжелели...

Глаза Камалии стали шире. Молнии внутри мелкого наядита вырвались за грани камня, заплясали, трещат, похожи на клубок спятивших белых ниток.

Кристалл взорвался.

Камалия закричала, ее призрак расщепляется на искры, те стремительно гаснут, взрыв смел со стола вещи, со стен и потолка осыпался иней и пластинки льда.

Клесса приостановил заклинание, танец щупалец замедлился.

Рядом со столом вспышка света, Камалия возродилась. Невредимая, но вид виноватый.

– Напутала малость...

– Ты в порядке?

– Конечно, я ведь не могу умереть, будучи в тебе.

– Осторожнее, милая.

Камалия кивнула.

Затем расщепила череду камней.

Инцидент взбодрил Эгорда, ждет взрыва, но Камалия все делает безупречно, еще один кристалл обратился в прах, Камалия приступает к следующему, а Клесса занят ослаблением большого наядита.

Молнии из камня Камалии опять выбросились, как взбешенные змеи, Камалия отпрянула.

Капризный кристалл накрыла широкая, покрытая инеем кисть, пальцы скрючились в клетку, когти сомкнулись.

БАХ!

Под клекот, полный боли, молнии раскидали фаланги пальцев и кинжалы когтей, сквозь Камалию прошли брызги синей крови, из запястья Клессы торчит развороченный сустав, льется синяя кровь. Клесса засопел чаще и громче, на мускулах проступает пот, который тут же леденеет, осыпается звонкими бусинами.

К нему подлетела Камалия.

– Клесса!

Ее ноги подкосились, была бы настоящей – рухнула бы на колени, ладони легли на предплечье демона-полукровки.

Клесса дыхнул на запястье, из клюва вылетело облако мороза, сустав с треском покрылся синей корочкой. На ней замерцали снежинки, свисают кровавые ледяные сосульки.

Призрак жрицы дотрагивается так, будто от неосторожно-

го касания великан может развалиться.

– Зачем? Я все равно бы воскресла!

– Но прежде умерла бы. С болью.

– Я привыкла.

– Мне больно от твоей боли.

Губы Камалии поджались, пытается быть холодной, но в глазах дрожит блеск.

– Думаешь, от твоей боли не больно мне?

Обняла могучее запястье всем телом, веки опустились.

Клесса накрыл ее спину ладонью, а сверху – крылом, как одеялом. Старается не дышать, не задеть морозным дыханием. Щупальца-ноги извиваются как водоросли под водой, рядом валяется брошенный наядит.

Из «обезглавленного» запястья вылезают призрачные контуры кисти, скоро чары восстановят утраченную конечность.

Эгорд отвлекся, их наконец-то догнал Хафал, что, конечно, не привело в восторг Тимориса. Демон тоже мрачен, но скука сильнее, поэтому решил все-таки продолжить путь с людишками, над ними хоть можно издеваться.

Заклинания Леарит, ищущие следы темных магов, ведут через систему небольших пещер-куполов, связанных нисходящими лазами. Отряд спускается, Леарит то и дело сообщает, что поисковые фантомы взяли след, еще немного – и след рассеялся бы.

Эгорд хвалит ее мастерство, однако видит эти пещеры го-

раздо дальше, чем она, – каждый уголок в деталях, знает на часы, а то и дни вперед, куда они придут...

Но тайна стрекоз должна остаться тайной.

Глава 9

Тиморис и демон опять на грани мордобоя, поэтому Эгорд начал развлекать Леарит историями. Говорит громко – пусть другие слышат, отвлекаются.

Однажды Светлый Орден послал Эгорда и Витора в деревню, откуда загадочным образом пропадали жители. Когда добрались, пропало уже больше половины населения, каждый день исчезали два-три человека, хотя в лес, откуда пропажи начались, жители ходить перестали.

Выяснилось, что до появления Витора и Эгорда в лес отправился послушник Светлого Ордена. Витор и Эгорд пошли по следу, но в дебрях напала стая людей-пауков, и друзья сами попали в плен. Очнулись в подземелье, приклеенные к стене паутиной, пытались освободиться, и вдруг пришел на помощь тот самый послушник. Ему только что удалось сбежать, но долг повел вызволять других пленников.

Он рассказал, что под лесом устроили логово темные маги во главе с архимагом. Темные похищали людей, превращали в монстров-рабов.

Витор, Эгорд и послушник попытались найти еще кого-нибудь, но оказалось, лишь их троих не успели еще превратить в пауков. Тогда втроем пробрались в сердце лагеря, дали бой хозяевам и с величайшим трудом и божьей помощью победили.

В той битве Витор и Эгорд потеряли много сил и ресурсов, что позволило послушнику захлопнуть капкан.

Как только он попал в плен к темным, сразу перешел на их сторону. Быстро освоил азы Темной Книги. Уж если разбойникам она по силам, то послушнику Светлого Ордена, который привык преодолевать трудности, легче легкого. Юнец осознал могущество темной магии, ее простоту, соблазнился перспективами, которые та открывает. Вместе с другими темными похищал и превращал людей в покорных монстров, но сам уже превзошел учителей в амбициях. Едва вошел в их круг, а уже мечтал уничтожить их и править паучьим подземельем единолично.

Но один бы не справился, а вот с помощью Эгорда и Витора удалось.

Теперь люди-пауки из числа бывших сельчан подчинялись ему. Оставалось превратить Витора и Эгорда. Те были ослаблены, без шансов на победу, но не осталось выбора, кроме как дать бой.

И победить удалось!

Именно тогда Эгорд, пока могучий Витор принял на себя тяжесть битвы с послушником и паучьей толпой, первый и единственный раз в жизни открыл Темную Книгу убитого архимага. Могло спасти лишь мощное заклинание, которое не требует сил. Которое легко усвоить и исполнить при первом прочтении.

Тогда Эгорд и узнал руну, что позволяет вычерпать силу

из любого существа, мертвого или живого. И впрямь – невероятно легкое могущество! Этот символ Эгорд много раз применял во время похода на Зараха и даже научил этому заклинанию Тимориса. А когда война закончилась, Эгорду стоило немалых волевых затрат, чтобы его не использовать. Он и Тиморису запрещает применять руну. Помнит, как легко поддался искушению послушник Светлого Ордена.

– Сила, доставшаяся даром, развращает, – сказала Леарит.

– Темная магия легка и проста как азбука, потому опасна. Особенно в руках юнцов. Они изначально зло. Только взрослея, либо осознают свою гнусную суть и, прилагая усилия, со временем искореняют, либо, наоборот, укореняют глубже, как темные маги. Знаю, сам был юнцом.

– А что в них злого?

– Опыта и достижений ноль, но амбиции выше крыши, а прилагать усилия не привыкли, все на блюдечке подносят родители. Конечно же, хотят всего, сразу и даром. Темная Книга как раз об этом. Потакает тайным желаниям мальчишки, а тот не сложнее насекомого, желания просты как дважды два. Чтобы женщины раздвигали ноги, мужчины боялись, все кланялись, целовали сапоги, а он либо беспощадно казнит целые народы, либо щадит свысока, мол, так и быть, живите, я ведь такой добрый и вообще самый-самый. Так мальчишка представляет себе власть. Смешно, правда?

– Да уж, хорошо, что ты давно не мальчишка, а я давно не девочка.

Тесный туннель привел в пещерку размером с королевскую спальню. Стрекозы показали Эгорду, что над островом сгустились плотные синие сумерки. Хафал с недовольной рожей опять куда-то уполз. Воин-маг развел костер. Леарит накрыла Тимориса и Жею куполом света.

Эгорд и Леарит устроились через пару пещер от Тимориса, здесь симпатичная мирная растительность. Воин-маг изолировал ледяными барьерами норы нескольких опасных насекомых и ящериц, дав себе обещание, что, проснувшись, барьеры снимет. Вход в пещеру тоже закрыт льдом.

Спать легли на ковер зеленого мха, его наколдовала Леарит. Уснула быстро, Эгорд обнимает сзади, дышит ее волосами, те пахнут летним лугом, на Эгорде только расстегнутая рубашка и штаны. Доспехи и шлем на валуне, сапоги у его подножия.

Шорох...

Будто камушки катятся, даже не камушки, а песчинки.

Игнорировать?

Бдительность еще не вредила.

Эгорд наладил связь со стрекозами, те патрулируют пещеру, нарезают вокруг создателя круги разной ширины, как планеты вокруг звезды...

Хафал?!

Самая дальняя стрекоза видит, как из темного проема между валунами выползает демон-скорпион с зелеными глазами. Вот тварь! Наверное, пробрался еще до того, как Эгорд

запечатал вход. И теперь, как паук, крадется на четырех лапах, колыша хвостом, к «спящему» со спины.

Незаметно для демона Эгорд кладет ладонь на рукоять меча, тот лежит между ним и Леарит. Военская привычка. Неудобно, особенно когда спишь не один, зато жизнь спасает. Хотя сейчас больше заботит, как не разбудить Леарит.

Хвост атаковал, и Эгорд, перекатившись на другой бок, отбил жало мечом.

– Неплохая попытка. Но без магии...

Эгорда окружают золотые пульсирующие контуры, сплетаются в сферу, эскиз светового щита. Если демон прыгнет, пространство между контурами тут же зальется светлой энергией.

Хафал оскалился, крадется вокруг жертвы. Эгорд, следя за демоном, косится на Леарит. Девушка перевернула туловище на спину, ноги остались лежать боком, волосы раскинулись золотым веером, закрыли половину лица, губы шевелятся, похоже, ей что-то снится.

Эгорд вернул внимание туда, где Хафала... уже нет!
Озирается.

Демон на потолке, вниз головой, рядом с большим сталактитом прямо над Леарит.

В основание каменного копьяд вонзилось жало, хвост надавил как рычаг, сталактит просел с треском.

Отломился.

Эгорд выбросил руку к падающему колу, его замедляют

розовые облачка энергии.

Острие замерло на высоте человеческого роста от спящей, но каменюга тяжелая, магические мускулы воина-мага напряжены, лицо и грудь вспотели.

Стрекозы показывают, как Хафал, прыгнувший Эгорду за спину, мчится на него.

Эгорд крутанулся, рука бросилась навстречу, и сталактит клювом сорвался на демона.

Каменное бревно боднуло его в грудь, мышцатую тушу откинуло как куклу, демон пробил ледяную стену на входе в пещеру, брешь повторяет силуэт.

Эгорд переворачивает зависшую перед ним глыбу острием вверх, громадный конус опускается плавно...

Бух!

Хлопья телекинеза разлетелись с волной пыли.

Воин-маг запечатывает брешь льдом. Леарит перевернулась на другой бок, лицо запуталось в волосах, губы в узел, он виляет туда-сюда, носик посапывает, тихий недовольный стон.

Эгорд бесшумно подбежал, быстренько опустился напротив нее, меч на прежнее место, во вмятину на мхе, висок коснулся травяной подушки. Пальцы, на которых еще иней заклинания, отводят волосы от лица любимой.

Ее ресницы дрожат, веки приподнимаются, Леарит моргает сонно.

– Не спишь?..

– Тобой люблюсь.

Леарит зажмурилась, улыбается по-детски.

– Надеюсь, мое лицо хорошее снотво...о-о-о...

Конец слова утонул в зевке, Леарит подложила под голову ладонь Эгорда, облизывает губы, по мере засыпания улыбка растягивается.

Перед тем как позволить себе уснуть, Эгорд решил понаблюдать за Хафалом.

Демон убежал куда-то злой, покушение провалилось, главного и привычного развлечения – Велиры – нет, с остальными на ножах. Ну, разве что с Леарит говорить еще может, она к нему терпелива, но общаться с женщиной ледяного червяка оскорбительно.

Стрекозы нашли демона быстро, преследуют.

Тот скачет с камня на камень, по верхушкам сталагмитов, по выпирающим из стен выступам и веткам, иногда кажется, летит. Ему, похоже, нравится передвигаться там, где не пройдут люди.

Запрыгнул на огромную ветку пещерного дерева, тому, наверное, лет пятьсот. Изломистая черная коряга без листьев со скрипом прогнулась, метнула демона на ветку выше, он запрыгнул, хвост сбил торчащий неподалеку грибной нарост, на хитин брызнул грибной сок.

Демон прыгает с ветки на ветку, казнит грибы, гнезда насекомых, ловит и ест их жильцов, жало рубит ветки, кулаки молотят ствол дерева, но Хафалу все равно скучно.

– Хоть бы какая кровожадная тварь попалась, – ворчит демон. – Подрался бы вдоволь, так нет же... все как назло мирные и трусливые!

Демон оплел ветку хвостом, повис как обезьяна, качается маятником. Руки и жвалы развелись в могучем зевке, он закончился сердитым рыком, демон тряхнул башкой, но спустя миг веки начали слипаться, руки повисли тряпками, туша качается словно мертвая.

Наконец, Хафал спрыгнул, перевернулся в воздухе, у подножия дерева приземлился с грохотом, зад рухнул на выпирающий из земли корень, коготь начал теревить Око Асимире, когда-то оно принадлежало Велире, а теперь стесняет его мизинец, тот от близости светлой магии почернел.

«Окольцо» под напором домогательств мерцает, Хафал продолжает царапать.

– Эй, слышит меня хоть какая-нибудь задница, а?

По кольцу долбанул кулак, золотой слиточек в оправе выбросил бутон лучей, кулак отдернулся, морда в сторону, торец кулака почернел, на роже появились темные пятна. Лучи бьют из кольца, Хафал повернул светящийся кулак от себя.

Лучи малость порябели, собрались в картинку.

Лаборатория. Книги, свитки, колбы, руны, всюду летают кристаллы-лампы, одни плывут, виляя хвостами энергии, другие спокойно парят на месте.

Картинка на миг размылась на цветные полосы, и появилось лицо Халлига, седые волосы, такие же седые усы и бо-

родка, в глазах удивление, но следом проступили морщины улыбки.

– О, ничего себе! Со мной изволил поговорить сам великий Хафал, Пожиратель Душ, сын Зараха! Какая честь... Приветствую тебя, демон!

– Так и знал, что застаю тебя за дурацкими магическими проделками. Нет бы винца с мясом отведать, бабу какую полапать или подраться с кем-то, а он книжки да стеклышки щупает, р-р-р!

– Каждый развлекается в меру своего ума. Куда уж мне до тебя, великого Хафала, вино да бабы это сложно, к бутылке и юбке не знаешь, как подступиться, а мне бы что попроще – заклинание или зелье какое-нибудь.

– Вы, людишки, создания никчемные, ха-ха!

– Да, создали же боги такими... убогими, ничего не поделаешь, ни с чем без божьей помощи справиться не можем. На вас, демонов, одна надежда... А кстати, почему ты без вина и женщин?

– Да в этих гребаных пещерах ни того, ни другого. Была девка, и та потерялась, теперь ищем всей толпой. А вино у ее папаши, но его просить – себя не уважать. Убил бы да взял так, но обещал этой дуре, что не трону, сама хочет его прирезать. Дожил, Ямор меня! Я, демон, даю какие-то срачные обещания! А еще треплюсь со всяким светлым дерьмом вроде тебя!

– Так чего же треплешься?

– Не с кем больше, скука смертная... Чего лыбишься?! Может, хоть на твою приторную рожу насмотрюсь, и меня вырвет от омерзения! Все развлечение, ха-ха!

Жрец смеется.

– Мой долг помогать нуждающимся. Если тебе поможет, что ж, поговорю с тобой так долго, что тебя от моего голоса будет тошнить.

– Во-во, валяй... Эй, чего там суетишься, будто в поход собрался?

– В самом деле собрался, почти собрал сумку, осталось еще пару артефактов, свитков и зелий, на всякий случай.

– И куда собрался? За нами?

– Нет, но тоже вниз. На третий этаж под крепостью. Недалеко, зато, быть может, надолго. На сколько хватит духу.

– Это что за место?

– Да вот, нашли с Эгордом на наши головы, теперь придется эти самые головы ломать, но мы это любим.

И жрец начал рассказывать про комнату в подземелье. Эгорд нахмурился. Опрометчиво сообщать такое Хафалу, он только и жаждет разжиться источником силы, отомстить Эгорду, а эта комната может дать силу такую, какой позавидуют боги.

– Комната без времени? – произнес Хафал в сердитой задумчивости. – И что, в той комнатушке ничего, только голые стены? Эх, лучше бы голые бабы... И какого Ямора там торчать?

– Ну, если торчать, то никакого. А если заниматься делом, то можно, не теряя времени в реальном мире, набрать могущество, обогнать других.

– Каким еще делом?

– Читать, например.

Демон фыркнул презрительно.

– Тоже мне, занятие...

– Ну, или, на худой конец, отрабатывать боевые приемы.

– С кем? Долбить по стенам? Знаю, было дело, когда этот ледяной прыщ держал меня в тюрьме. Лучше, чем ничего, но далеко на такой тренировке не ускачешь, нужны живые противники. Эх, запереться бы там с девкой, которую сейчас ищем, там-то ей от меня бежать некуда, ха-ха!

Халлиг закончил сборы, успел выйти из лаборатории, все этажи промелькнули мимо него на лестнице, Эгورد видит его через «окольцо» на пальце демона и через стрекоз, те около жреца, следуют как привязанные.

– Напомнил ты мне случай из молодости, – говорит Халлиг, входя на первый подземный этаж, – я тогда был разбойником...

Демон рыкнул.

– Ты че, был разбойником?!

– Все были разбойниками, ворами, насильниками, головорезами... Словом, демонами. Не на деле, так в мыслях. Те, кто не был на деле, просто боялись загреметь под топор палача, а не потому что святые. Каждый изначально – демон.

Каждый хочет не работать, брать чужое без спроса, за так да побольше, побольше, вытирать о других ноги, а всех, кто слишком силен, убить побольнее.

Халлиг вздохнул.

– Но раз закон грозит пальцем и рубит головы, можно хотя бы делать вид, что порядочный, мол, даже если бы закона не было, все равно бы на чужое добро ни-ни... Так вот, когда я был юнцом в банде...

И Халлиг рассказал, как его банда напала на караван, который ехал на ярмарку в город. Защита у каравана была слабая, народ особо не сопротивлялся, но многие разбежались, бросив добро.

В составе каравана путешествовал бродячий театр. Город был уже близко, и актеры успели нарядиться в костюмы для спектакля. А во время атаки, ряженные как петухи, разбежались.

Один из банды запрыгнул в крытую повозку, обнаружил, что кто-то выскочить не успел, но улизнуть все же попытался. Разбойник в кромешной темноте смог оглушить, а когда жертва упала, бандит сумел разглядеть платье, длинные волосы, нащупал бюст.

Разумеется, такой улов его порадовал.

Под шум грабежа бандит сделал свое мужское дело, выпрыгнул из повозки довольный, завязывал штаны, а когда подельники поймали актеров, выяснилось, что женщины среди них фальшивые, по традициям некоторых народов иг-

рать в театре разрешается лишь мужчинам, что подтвердилось, когда с якобы женщин сорвали парики.

Разбойник испугался, оглянулся на повозку, лапа схватилась за промежность.

«А кого же я тогда...» – только и сумел промямлить.

Потом бандиты собрались у костра, а тот бедняга лишь пил и смотрел в костер несчастными глазами, остальные ржали и подливали ему в кружку, даже пытались утешать, мол, с кем не бывает...

Халлиг еще не закончил, а демон уже ржал так, что распугал живность, ближайшие зверьки так и вовсе от страха померли. Хохоча, демон свалился с насиженного места, покатился по склону, его остановил здоровенный камень, а Хафал все трясется, согнувшись пополам.

– Вот-вот, мы тоже веселились ночь, – говорит жрец. – Так, я на месте. Эта дверь ведет в комнату, где время замерзает.

Демон смеяться перестал.

– Бррр! Не говори «замерзает». А то в башке сразу ледяной червяк, с которым ты водишься!

– Ладно, замирает. Обожди минутку...

Халлиг снял кольцо, положил на землю так, что Хафалу видна дверь в комнату. Ладонь в желоб замка, шелк, дверь с гулом поползла вверх, из-под нее синевато-белый свет. Жрец вошел, и дверь медленно опустилась.

Но уже через миг – поднимается вновь...

Халлиг вышел как в трансе, смотрит перед собой словно сквозь стены, вдаль, губы шевелятся...

– Эй, ты чего? – зовет демон. – Тебя что, Ямор с наложницей перепутал?

Халлиг пришел в движение, словно оживающая каменная статуя, занес ногу, чтобы, видимо, пойти по коридору, но замер, будто что-то вспомнив, вернул ногу обратно, взгляд рыщет по полу, наконец, уперся через «околыцо» в Хафала.

Жрец подбирает артефакт.

– Можно возвращаться.

– Ты же только пришел!

Халлиг ткнул посохом в дверь.

– Там я пробыл пять дней. Новый рекорд.

Шипы на бровях Хафала дернулись.

– И что там делал?

– Ох, чего только не делал, лишь бы не сойти с ума... На чем мы остановились? Я, кажется, рассказывал, но забыл, о чем...

– Р-р-р! Ну и развлечения у магов... Твой поделщик в темноте по ошибке оприходовал...

– А, вспомнил, – воскликнул жрец и засмеялся, – так вот...

И жрец на обратном пути стал рассказывать демону байки из лихой молодости, одна другой пошлее, на вкус демона. Тот ржет как псих, распугал всех букашек, грызунов и чешуйчатых, случился даже небольшой обвал.

– И как тебя только занесло в Светлый Орден, – не понимает Хафал.

– Это скучно. Влюбился в девчонку, сбежал с ней на край света, там жили на добро, которое нагабил, сделали детей, а потом нас нашла банда – темный маг, демоны и ребята из банд, где я раньше куролесил. Решили, что у меня припрятан клад. Жену и детей под нож, меня ранили, но я, бывший адепт Темного Ордена, владел магией, и удалось сбежать. А потом...

Халлиг на какой-то опасной грани, но переборол себя, взял в руки, пытается быть как ни в чем не бывало.

– Говорю же, скучота. Давай лучше расскажу, как меня принимали в Темный Орден, я тогда чуть штаны не обделал...

И Халлиг, уже копаясь в лаборатории, начал рассказывать про темного мага Халлига, у демона опять приступы смеха, а Эгорду только и остается дивиться, как мало он знал о Халлиге.

После такого даже заснуть не получается.

Пришлось нашарить в сумке усыпляющее зелье из листьев равновесника.

Утром отправились в путь, к ним присоединился Хафал, чему Тиморис, конечно, не обрадовался.

– Чем занимался? – любопытствовал у демона Эгорд.

Тот оскалился.

– Пещерных червей давил, уж очень их морды похожи на

твою.

Растений по пути все больше, местность пересекают щупальца подземных рек, потоки воды чуть ли не в каждой пещере, а переходы между каменными желудками стали как джунгли, приходится замораживать, а потом растапливать или ломать. А то и просто выжигать.

Когда все это осталось позади, Жея смогла лететь свободно, не опасаясь зацепить куст или врезаться в стену, а демон смог передвигаться длинными и высокими прыжками, от них грохот и фонтаны камней.

В пещере черно-фиолетовый сумрак. Эгорд спускается по камням, за сапогами ковер инея тает в солнечной ауре Леарит. Хафал скачет с камня на камень, оказался внизу раньше всех, последним спустился Тиморис, колдует на ходу что-то съестное для Жеи, птица у него на плече.

Из подвижной живности тут разве что парочка мокриц размером с башмаки, да и те разбежались, когда рядом грохнул лапами демон.

Зато мха и лишайника целые плантации, внутри текут лиловые, синие, голубые соки, их свет залил пещеру суровым усыпляющим светом, как в отшельническом храме, где жесточайший аскетизм и строгие нравы, зато мир, покой и порядок.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.